

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА»
ПОДСЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (ДО 1917 Г.) И
ЛИТЕРАТУРЫ»

«Подполье» Ф.М.Достоевского и Д.Фаулза (по повести «Записки из подполья» и роману «Коллекционер»)

Авакова С.А.

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sportysonik@yandex.ru

«Записки из подполья» Ф.М.Достоевского – знаковое произведение. Знаковое во многих отношениях. Эта повесть, в первую очередь, стала отправной точкой для всего дальнейшего творчества Достоевского, которое можно смело разделить на два периода: до и после создания «Записок». Между этими двумя периодами писатель пережил духовный переворот, после которого ему словно открылось что-то новое о человеке. Исповедь Подпольного человека послужила своего рода предисловием к великому Пятикнижию Достоевского.

Таким образом, прежде всего мы говорим о значении этого произведения для самого автора. В то же время «Записки из подполья» в определённой мере можно назвать поворотным пунктом в истории мировой литературы. И это не будет преувеличением. Достоевский первый заговорил о человеке так, как о нём ещё не говорил никто. Антропологизм и антропоцентризм Достоевского исключительны. Н.А.Бердяев в своей работе «Миросозерцание Достоевского» писал: «Человек не есть для него явление природного мира, не есть одно из явлений в ряду других, хотя бы и высшее. Человек — микрокосм, центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Все в человеке и для человека. В человеке — загадка мировой жизни». Эта загадка волновала Достоевского на протяжении всей жизни. Именно «Записками из подполья» началась долгая дорога исканий, мучительных вопросов и непростых ответов, которые наравне с Достоевским пытались найти многие писатели и философы. По сути, именно «Записками из подполья» открывается эпоха экзистенциализма. Достоевский явил свету абсолютно новый тип героя, которого раньше не было вовсе. Можно сказать, он уронил в землю зерно, которое со временем дало и всё ещё продолжает давать плоды. Мы находим эти плоды в творчестве А.Камю, Ж.-П.Сартра и многих других мыслителей как XIX, так и XX века.

В своём выступлении хотелось бы рассказать о том, каким образом идеи, выдвинутые Достоевским в «Записках из подполья», нашли отражение в романе английского постмодерниста Д.Фаулза «Коллекционер», провести параллели и выявить определённую связь, которая довольно чётко прослеживается при внимательном прочтении этих произведений.

Не совсем верным представляется говорить непосредственно о сравнении «Записок» с «Коллекционером». Правильнее будет рассматривать произведения как взаимодополняющие элементы единого целого. «Записки из подполья» в данном случае должны служить теоретической основой, которая воплотилась на практике в «Коллекционере». Можно провести невидимые нити от мыслей Подпольного человека к действиям главного героя романа Фаулза.

Безусловно, следует обратить особое внимание на само понятие Подполья как такового, его изображение Достоевским и Фаулзом; необходимо проанализировать и сопоставить слова и поступки главных героев, попытаться объяснить их поведение, ответить на вопрос, чем мотивированы их действия в той или иной ситуации.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979
2. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского// <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/31606>
3. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского// <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/>
4. Волгин И.Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М., 2004
5. Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях. М., 2002
6. Хуснулина Р. Английский роман XX века и наследие Ф.Достоевского. 2005

Мотив насилия в лирике Федора Сологуба**Багаева Ирина Владиславовна***студентка**факультет журналистики**Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: ibagirka@yandex.ru*

Физическое насилие являлось одной из ключевых тем в лирике Федора Сологуба. Слова «порка», «розги», «сечение» постоянно появляются в его произведениях, имеющих автобиографический подтекст. Мотив истязания родился в связи с глубокими личными переживаниями поэта: атмосфера насилия и унижения, в которой он рос, сильно повлияла на его психику. Если в своих первых стихотворениях, например в стихотворении «В мечтанья погруженный...» (30 мая 1879 г.), лирический герой предстает перед нами в образе несчастного поротого мальчика: «Как из лазури ясной// Я на землю упал, // И фронт, от злости красный, // Мне уши натрепал», то в более поздних мы видим уже зрелого мужчину, жаждущего побоев: «Истомившись от капризов// И судьбу мою дразня, // Сам я бросил дерзкий вызов: // - Лучше высеки меня!» («Истомившись от капризов», 27 октября 1889 г.).

За любую мелкую провинность, будь то шалость, опоздание или испачканная одежда мать наказывала будущего поэта розгами, била по щекам, ставила на голые колени. В стихотворении «Застенчив я, и потому смешон...» (9 ноября 1879 г.) Сологуб пишет: «Но я порой внезапно надержу, // Или с мальчишками вдруг подеруся. // Тогда бранят меня. Стыдят, секут, // Как будто бы со мной нельзя иначе». Жестоким обращением мать стремилась воспитать в сыне такие христианские добродетели, как смирение и покорность. Обида за незаслуженные страдания сделала Сологуба сдержанным, скрытным и очень одиноким человеком.

«Розог ад» постепенно приводил его к мысли, что только внутри себя можно ощутить гармонию. Главное, по его мнению, – освободиться от всех злых оков реальности и уйти в мир мечтаний и художественного творчества. Он начал много читать, посещать театральные спектакли, а с 12 лет увлеченно писать стихи. В стихотворении «В мечтанья погруженный...» (30 мая 1879 г.) Сологуб заметил: «В мечтанья погруженный, // По улице я шел. // Я был король влюбленный, // Пред мной стоял посол».

В 1882 году Сологуб окончил Учительский институт в Петербурге. Девятнадцатилетним юношей он вместе с матерью и сестрой уехал учительствовать в Крестцы Новгородской губернии. Неподвижный мещанский быт, однообразное течение жизни угнетали Сологуба, опустошали его. Годы, проведенные в провинции, свое повседневное тусклое житье Сологуб отразил в стихотворениях, большинство из которых позже вошли в цикл «Из дневника» (1883-1904 гг.), опубликованный уже после смерти поэта. Чтобы украсить скучную жизнь, Сологуб нашел для себя новую забаву: он сам провоцировал порку, в нем развивался мазохистский комплекс. Это прекрасно иллюстрирует стихотворение «Утро. Солнце светит мне в окошко...» (7 февраля 1884 г.):

«Скучно тетради проверять: // В этой скуке, словно развлеченье, // Если мать случайно рассержу, // И под мукой жаркого сеченья // На полу я голый полежу». Телесные истязания вносили в жизнь Сологуба некую пикантность. Ощущение сильной боли и стыда вырывало его из убогой действительности и возносило над провинциальным бытом. Насилие обрело у поэта нравственное оправдание: пытки необходимы как средство к духовному очищению, изгоняющее «всяк порок»: «Страданье иногда полезно // Для тела, как и для души // И, кто признал закон железный, // Тому и розги хороши». («Страданье иногда полезно...», 21 декабря 1886 г.)

Постепенно у Сологуба появилась все нарастающая потребность в переживании боли, стыда и унижения. Телесные наказания стали неотъемлемой частью отношений между ним и близкими людьми. Было бы неправильно объяснять его тягу к побоям на этом этапе жизни исключительно стремлением к христианскому смирению и совершенствованию. Насилие ворвалось и в область сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. В стихотворениях зазвучали алголагические мотивы. Он усиливал свои сексуальные переживания посредством боли, выступал и как пассивный, и как активный участник пыток. Он слил любовь и насилие в единое целое. Об этом стихотворение «Не наряд тебя красит, о нет!» (3 декабря 1893 г.): «И надменно могу сознавать, // Что я нежить могу и ласкать, // И любовью моей утомить, // И помучить тебя и побить».

Сологуб констатировал тягу к насилию как естественную потребность человека, как глубоко скрытый психологический потенциал каждой личности. В стихотворении «В душевной глубине бушует...» (12 декабря 1887 г.) поэт пишет: «В душевной глубине бушует// звериная, нагая страсть. // Она порою торжествует, // Над телом проявляя власть». В этом же произведении изнасилованная девушка не пытается скрыться от «двуногого зверя», а, напротив, получает от происшедшего удовольствие: «Но в сердце нарастает радость, //Идет все медленней она, // Звериную изведав сладость, // Как от шампанского пьяна».

В 1907 году умерла от туберкулеза сестра Сологуба Ольга Кузьминична. Именно она участвовала в играх брата-флагеллянта после смерти матери в 1894 году: «Я много денег издержал, // Сестра осталась недовольна. // Потом я на полу лежал, // Мне становилось очень больно» («Я отдал книги в переплет...», 2 октября 1902 г.). Заметки Сологуба о сечении прекращаются со смертью сестры. Скорее всего, прислуга Сологуба взяла на себя миссию палача. По крайней мере, в последних записях автобиографического характера сообщается следующее: «Дарья Ив<ановна>. Сначала стеснялась. Потом разошлась вовсю».

По нашему мнению, садомазохистский комплекс Сологуба является ключом к пониманию его творчества. Тяжелые жизненные обстоятельства, которые обычно угнетают и уничтожают личность, в случае Сологуба дали ему обильную пищу для творчества. Но именно его девиантное поведение в конечном итоге явилось причиной неодобрительного отношения к нему окружающих, одиночества и полного разлада с жизнью.

Литература

1. Голлербах Э. Из воспоминаний о Ф. К. Сологубе// Встречи и впечатления. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998, с. 149-155.
2. Гуртуева Т.Б. Литературные портреты Серебряного века: Федор Сологуб, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт. – Нальчик, 1996.
3. Неизданный Федор Сологуб. - М.: НЛЮ, 1997.
4. О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. / Сост. А.Н.Чеботаревская. - СПб.: Навьи чары, 2002.
5. Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К.Тетерников. - М.: НЛЮ, 2007.
6. Сологуб Федор. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1975.

7. Федор Сологуб. Цикл «Из дневника»// Публикация М.М. Павловой. Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома на 1990 г. – СПб.: Академический проект, 1993, с. 109-159.
8. Эренбург И. Фёдор Сологуб // Портреты русских поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922, с. 137-150.

В.Ф. Одоевский – журналист и издатель: нереализованные замыслы

Гусев Никита Владимирович

студент

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: gusevnikitavl@mail.ru

Жизни и творчеству В.Ф. Одоевского посвящено много исследований. Большую ценность представляет первый фундаментальный труд – незаконченная монография П.Н. Сакулина, в которой начат разговор о системе представлений Одоевского о печатном слове. Но вклад князя в журналистику изучен на сегодняшний день лишь фрагментарно: в поле зрения ученых попадало его участие в «Московском вестнике», «Московском наблюдателе», «Современнике». Роль Одоевского в целом в истории русской журналистики еще не выявлена.

Просветительские установки Одоевского всегда связывали его с журналистикой. На протяжении почти полувека (с 1820 по 1869 гг.) он участвовал в ведущих периодических изданиях своего времени, откликаясь на актуальные социокультурные проблемы. Одоевский выступал в совершенно различных печатных изданиях: по типу (газеты, журналы, альманахи, сборники), по форме собственности (правительственные, частные), по позиции (издания любомудров, литературной аристократии, демократическая качественная периодика, а также органы торгового направления). Его художественные и публицистические произведения печатались в альманахах «Мнемозина» (1824-25), «Уrania» (1826), «Северная лира» (1827), «Северные цветы» (1831), «Альциона» (1833), «Комета Белы» (1833), «Новоселье» (1833), «Детские книжки для воскресных дней» (1834, 35), «Денница» (1834); журналах «Благонамеренный» (1820-21), «Каллиопа» (1820), «Вестник Европы» (1821-25), «Московский телеграф» (1825-27), «Московский вестник» (1827-29), «Библиотека для чтения» (1834-36, 63), «Журнал общепользных сведений» (1834), «Московский наблюдатель» (1835-36), «Современник» (1836-37, 39, 43), «Отечественные записки» (1839-42), «Сельское чтение» (43-48, 67); газетах «Северная пчела» (1825-29), «Литературные прибавления к "Русскому инвалиду"» (1834-37), «Литературная газета» (1841-45), «Санкт-Петербургские ведомости» (1857-61), «Искра» (1859-60), «Московские ведомости» (1865), «Голос» (1866) и др.

Участие Одоевского в изданиях было ценным для издателей. А.А. Дельвиг, к примеру, в начале 1824 г. писал В.К. Кюхельбекеру: «Познакомь меня как знаешь и как можешь с твоим товарищем [В.Ф. Одоевским]. Литературно я знаю и люблю его. Уговори его и себя что-нибудь прислать в новый альманах: «Северные цветы», мною издаваемый... Он будет хорош».

В.Ф. Одоевский считал, что настоящая журналистика должна отражать и формировать «общественную атмосферу», содействовать просвещению, быть посредником между наукой и обществом. С этими задачами связаны его издательские проекты, часть из которых осталась нереализованной. Без изучения несостоявшихся изданий картина развития периодической печати оказывается неполной. Их рассмотрение позволяет значительно расширить представление о движении общественной и литературно-журнальной мысли, о перипетиях борьбы за гласность, о перспективах различных журнальных форматов, а также личных отношениях между автором и редактором

(издателем) периодики. Именно в самую активную журналистскую пору Одоевского (1820 – 40-е гг.) часть его замыслов осталась неосуществленной.

Первым несостоявшимся проектом было преобразование «Мнемозины» в журнал и издание специального критического прибавления к ней – «Комета» (1825). «Комета» в двух разделах – критика и смесь – «некоторый род летописи наших успехов в просвещении», должна была представлять обзор различных мнений. Среди причин неудачи были некоторые расхождения взглядов соиздателей Одоевского и Кюхельбекера, финансовые трудности.

Среди крупнейших проектов Одоевского выделяется замысел (1835 г.) журнала энциклопедического характера, развивавшего программу «Кометы» с ее основополагающей идеей систематизации и популяризации знаний. Одоевский в письме к Пушкину определил его как «Современный летописец политики, наук и литературы, содержащий в себе обозрение достопримечательнейших происшествий, в России и других государствах Европы, по всем отраслям политической, ученой и эстетической деятельности с начала 3-го (последнего) десятилетия 19-го века». По-видимому, если бы издание состоялось, то оно стало бы предтечей «Отечественных записок» и «Современника» 1840-50 гг.

В 1835 г. появился замысел «Северного зрителя», о чем свидетельствует сохранившийся в архиве Одоевского список планировавшихся участников (34 человека). Программа издания не сохранилась, но известно, что проект разрабатывался совместно с Краевским при поддержке Пушкина. В 1836 г. появился «Современник», издаваемый Пушкиным единолично, хотя и при поддержке потенциальных сотрудников «Северного зрителя».

Одоевский и в период выхода «Современника» не оставлял надежды на издание собственного энциклопедического журнала. О чем говорит план «Русского сборника». Одоевский понимал, что сосуществование двух органов одного направления в России при недостаточной емкости аудитории повредит обоим. Поэтому он совместно с Краевским предложил Пушкину реорганизацию «Современника» в энциклопедический журнал, где Пушкину отводилась роль редактора литературной части. Ученую и техническую часть Одоевский и Краевский вполне резонно хотели взять на себя. Но Пушкин отказался.

Все эти проекты ориентированы в основном на просвещенную часть российских читателей. Но Одоевский осознавал насущность развития просветительской журналистики, предназначенной и для менее образованной аудитории. В ней он выделял детей и простонародье. В течение многих лет его занимала идея периодического издания для маленьких читателей.

Еще один нереализованный замысел периодического издания связан с музыкой. С 1837 г. в течение пяти лет он совместно с М.И. Глинкой, П.А. Вяземским безрезультатно пытался добиться разрешения на музыкальный журнал или газету.

Итак, в наследии Одоевского осталось немало нереализованных проектов – энциклопедических и музыкальных журналов, просветительских изданий для детей и крестьян. Главной причиной, которая помешала их осуществлению, была политика правительства, направленная на ограничение новых изданий, а также финансовые проблемы. Очевидно, что не хватало Одоевскому и организаторских способностей, столь важных в журнально-издательском деле.

Однако многие планы и подготовленные материалы не пропали бесследно. Это касается как разработки общей направленности, тематики, структуры печатных органов, так и конкретных материалов (статей). Сам Одоевский признавался: «Обращаясь на жизнь прошедшую, вижу, что довольно-таки дел пошло с моей легкой руки, не считая неудавшихся».

Литература

1. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. (1986) Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.
2. Гласе А. (1975) Критический журнал «Комета» В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 280 – 285.
3. Сакулин П.Н. (1913) Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. М., 1913. – Т. 1, ч. 1 – 2.
4. Турьян М.А. (1991) Странная моя судьба. О жизни В.Ф. Одоевского. М., 1991.

Из истории литературных кабаре Москвы и Петербурга 1910-х годов

Живова Анна Юрьевна

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kordeo@yandex.ru

Начало XX века ознаменовалось беспрецедентным для России явлением: возникновением литературно-художественных кабаре. Несмотря на явную преемственность от подобных европейских заведений, российские кабаре имели свою специфику.

Первое в Европе художественное кабаре «Chat Noir» («Черный кот») - свободный ночной клуб для поэтов, писателей, художников и актеров - появилось в 1881 г. во Франции. Люди искусства получили возможность экспериментировать и представлять свое творчество публике. В России поэтично-художественные заведения зарождаются лишь спустя почти 30 лет. Их предвестниками исследователи считают собрания творческой интеллигенции на «Башне» - в квартире поэта и филолога В.И. Иванова. Мысль о создании клуба для «бесприютной» богемы возникла и у С.П. Дягилева.

Предтечей литературно-художественных кабаре в России, вероятно, следует считать «Летучую мышь», закрытый клуб для актеров, созданный при Московском художественном театре в 1908 г. Членами-учредителями стали ведущие актеры МХТ: О.Л. Книппер, В.И. Качалов, И.М. Москвин, В.В. Лужский и др. Клуб был чрезвычайно популярным, сплотил артистическую молодежь, о нем много писали в газетах.

Следующим шагом к созданию кабаре явилась деятельность петербургских ночных театров «Лукоморье» и «Кривое зеркало» (оба появились в 1908 г.), а также просуществовавшего несколько месяцев «Дома интермедий» (Санкт-Петербург, 1910 г.). Наконец в 1912 г. в Петербурге появилось первое русское литературно-художественное кабаре «Бродячая собака» (1912-1915 гг.), синтезировавшее многие черты своих предшественников: преимущественно ночное время работы, место встречи, творческого взаимодействия, развлечений и отдыха творческой интеллигенции.

«Бродячая собака» - наиболее яркое и самобытное явление в истории отечественных кабаре. Новшествами «Собаки» стали публичность, открытость (более широкий доступ посетителей за определенную плату) и участие в программах не только актеров, но и музыкантов, литераторов, художников (среди них - А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, К.Д. Бальмонт, В.В. Маяковский, В.В. Хлебников, Д.Д. Бурлюк, Ф.Т. Маринетти, А.Н. Толстой, М.А. Кузмин, В.Э. Мейерхольд, С.Ю. Судейкин, С.С. Прокофьев, Е.Б. Вахтангов и др.). Привилегированность посетителей, статус литературно-художественного заведения оставались его неотъемлемыми чертами на протяжении всех лет жизни.

«Бродячая собака» с ее современным интерьером, смелой росписью стен и потолка сама казалась многим посетителям произведением искусства. Был разработан обряд встречи новых гостей, существовала так называемая «свиная книга» - гостевая книга из свиной кожи для стихов, рисунков, памятных записей. Кабаре имело свой герб, гимны, пригласительные билеты.

Одна из главных особенностей «Собаки» - импровизационные выступления (наряду с программными) и ориентация выступавших на интересы художественной богемы, а не обычных посетителей кабаре. «Клуб для своих» - в этом ее главное отличие от европейских кабаре.

«Бродячая собака» стала местом для манифестации новых творческих программ. Здесь выступали представители различных художественных течений и групп. Так, в «Бродячей собаке» на одном из вечеров состоялось единственная встреча Блока и Маяковского. Обычно же программы модернистов и авангардистов не пересекались, им отводились отдельные вечера.

Подвал кабаре предоставлял доселе невиданные в России возможности общения артистов с публикой. Это были живые, «интерактивные» выступления. Здесь возникали диспуты, столкновения разных позиций и мнений. Например, творчество футуристов долгое время оставалось предметом критики и глумления, неоднозначно воспринимали посетители кабаре и лекции Маринетти. Ситуация изменилась только после визита М. Горького на выступление футуристов в «Собаку» и его знаменитого комментария: «Что-то в них есть».

Неприемлемым явлением в кабаре было академическое, «устаревшее» искусство: классическая живопись, академическая музыка, «ретроградные» поэты и писатели. Литературные кабаре – оплот модернизма и авангарда. Это акцентировали и интерьер заведения, и его программы, и контингент посетителей.

«Привал комедиантов» (Санкт-Петербург, 1916-1919 гг.) – второй модный подвал и полноценное литературное кабаре. Оно мыслилось как продолжение и расширение «Бродячей собаки», сопоставимое с ней по значимости в жизни художественной богемы, но имеющее свою специфику. Здесь был уже новый состав участников: активизировалось следующее поколение творческой молодежи. Однако уровень выступлений понизился, коммерческие интересы хозяев кабаре возобладали над желанием привлечь людей искусства. Тем не менее, в «Привале комедиантов» бывали и выступали Ю.П. Анненков, М.З. Шагал, С.Ю. Судейкин, А.Н. Бенуа, А.В. Луначарский, О.Э. Мандельштам, М.А. Кузмин и др.

Среди литературно-художественных заведений были и сугубо авангардистские: «Кафе поэтов», «Питтореск», «Музыкальная табакерка», «Десятая муза», «Венок искусств», «Трилистник» - все перечисленные кабаре располагались в Москве. Множество других художественных кабаре было в провинции: Харькове, Одессе, Киеве, Баку, Тифлисе, Сибири, на Дальнем Востоке. Они представляли собой во многом схожие со столичными, но не менее интересные явления, о которых, однако, почти не сохранилось информации. Изменение политической и социальной атмосферы в стране положило конец кабаре практике.

Один из значимых «итогов» работы художественных кабаре в России - их отражение в литературных произведениях. Например, о «Бродячей собаке» упоминает А.А. Ахматова в лирических стихотворениях и в «Поэме без героя», Т. Краснопольская (Т.Г. Шенфельд) в романе «Над любовью», В.В. Хлебников в поэме «Жуть лесная», А.Н. Толстой в незавершенном романе «Егор Абозов» и в «Хождении по мукам» («Сестры»), .

Таким образом, литературные кабаре 1910-х годов были средоточием жизни части творческой интеллигенции, местом неформального общения писателей, художников и музыкантов, а также сферой жизнотворческих экспериментов. В кабаре «встречались» искусство и жизнь, творчество социализировалось, а создатели художественных произведений, порой весьма экстравагантные, получали прямой доступ к не только к знатокам и ценителям современного искусства, но и к обычной публике, «с улицы», из «толпы».

Литература

1. Крусанов А.В. Русский авангард. 1907-1932 гг. Исторический обзор. В 3-х тт. – СПб: Новое литературное обозрение, 1996.
2. Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – М.: Наука, 1985.
3. Тименчик Р.Д., Конечный А.М., Мордерер А.Е. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. – М.: Наука, 1989.
4. Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России 1908-1917. М.: , 1995.
5. Шульц С.С. (мл.) Бродячая собака. – СПб.: Алмаз, 1997.

Журнал «Вопросы философии и психологии»: первые годы издания, история и проблематика
Закутняя О.В.

*кандидат филологических наук
факультет журналистики*

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: olgazakut@gmail.com

Журнал «Вопросы философии и психологии» издавался в Москве с 1889 до 1918 года и стал первым специальным философским изданием в России, фактически, ознаменовав начало развития русской философии как специализированной отрасли наук, а также способствовав созданию единого информационного и коммуникационного поля для мыслителей и общественных деятелей того времени.

До настоящего времени журнал «Вопросы философии и психологии» практически не изучался. Отдельные научные работы посвящены философскому содержанию журнала и его значению для развития русской философии, однако история и эволюция журнала до сих пор не рассматривались систематически.

Основываясь на ряде архивных и печатных материалах, мы восстановили историю журнала в первые годы его издания. В качестве хронологических рамок был выбран период с 1889 по 1895 г., когда редактором журнала являлся его основатель Николай Яковлевич Грот. Проведенный анализ фактической истории издания позволил выделить в указанном периоде два отдельных этапа становления журнала и провести их сравнительный анализ. Предметом анализа стали содержательные и структурные особенности издания.

На основе изученного материала был сделан вывод о постепенной эволюции журнала, связанной как с поиском своего читателя, так и с объективными процессами, происходившими в русской журналистике на рубеже XIX—XX веков. Среди тенденций, во многом определивших путь «Вопросов философии и психологии», можно выделить постепенное оформление в России сообщества профессиональных философов, связанных как с университетами, так и с печатными изданиями, а также повышенное внимание образованного общества в целом к проблемам философии и, прежде всего, этики, что сказалось на содержательной стороне издания.

С другой стороны, на «Вопросы философии и психологии» также оказали влияние процессы, происходившие в системе СМИ того времени: появление новых типов журнала, развитие научно-популярной периодики, а также постепенная политизация прессы, которая не обошла и философский журнал.

Наконец, важное влияние на облик журнала имели внутренние обстоятельства, связанные со сменой собственника издания, появлением новых сотрудников и деятельностью главного редактора «Вопросов философии и психологии» Н.Я. Грота.

В работе анализируются эти процессы и делаются выводы относительно их влияния на содержание и структуру издания на протяжении 1889—1895 гг.

Литература

1. Вопросы философии и психологии. 1889 — 1918. (роспись). // Вопросы философии. — 1993. — № 9. — С. 127—150; № 11. — С. 122—121.
2. Есин Б.И. Ректоры Императорского Московского университета и русская журналистика. 1755—1917. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 96 с.
3. Есин Б.И. Русская легальная пресса конца XIX — начала XX века. // Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX века. Под ред. Б.И. Есина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — С. 3—66.
4. Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. / Сост. К. Грот. — СПб., 1911.
5. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. // Шпет Г.Г. Философско-психологические труды. — М.: Наука, 2005. — 479 с. — С. 72—307.

Возобновление «Журнала министерства народного просвещения» (1834): задачи и формат издания

Замыслова Е.Е.

аспирантка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

Журнал Министерства народного просвещения, издававшийся с 1803 года, изучен крайне не достаточно. Особого внимания «Журнал министерства народного просвещения» (Далее ЖМНП) заслуживает, когда он выходил под идейным руководством министра С.С.Уварова (1834-1849) и редактировался приглашенными им К.С. Сербиновичем и А.А. Краевским.

Возобновляя издание после пятилетнего перерыва, Уваров изначально ставил задачу организовать не просто качественное специализированное ведомственное издание, а влиятельный правительственный идеологический орган. ЖМНП был призван отражать позицию министра по важнейшим и очень трудным для него и всей России вопросам: «По какому правилу следует действовать в отношении к Европейскому просвещению, к Европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью?». Уваров - западный человек по своей интеллектуальной культуре, к началу 1830-ых годов прошедший путь от умеренного либерала до консерватора-охранителя, - пытался дозировать неизбежную рецепцию европейского просвещения ради сохранения российского «порядка вещей». По сути, инициировался новый виток в осмыслении исконной оппозиции «Россия-Запад», «подражание-соревнование». Нецелесообразность скорых социально-политических, идеологических реформ по европейскому образцу обосновывалась, прежде всего, укорененностью жизни русского народа и государства в трех основополагающих принципах: «Православие - Самодержавие - Народность». Эти традиции провозглашались единственно спасительными для России. Впервые уваровская доктрина была заявлена публично именно в программном выступлении министра к первому номеру ЖМНП в 1834 году.

Уваров прекрасно осознавал растущую роль периодической печати в обществе. В первом же обозрении русской периодики в ЖМНП отмечалось, что «наш век по преимуществу может быть назван веком журналов». Естественно, европейская либеральная печать оценивалась крайне негативно (например, в статье «Мысли швейцарца о противодействии вредным журналам»). ЖМНП был призван противодействовать «вредным изданиям» в России. Уваров писал: «Для такой Державы в наш, обильный повременными изданиями век журналы официальные – сии отголоски Правительства – необходимы». Государство в лице уваровского министерства откровенно брало на себя обязанности цензора просвещения. Указывалось, что только оно способно

предохранить общество от «нравственно-политических язв», которые несет с собой либеральная идеология, все активнее усваиваемая в 1830-ые годы в Европе и постепенно проникавшая в Россию. Министр надеялся, что ЖМНП станет альтернативой западноевропейской прессе, в том числе, для «бедного, одинокого студента», который «с жадностью читает журналы и ищет в них пищи для ума и сердца».

Но, несмотря на весь консерватизм идейно-политических установок уваровского издания, его цели и, главное, результаты деятельности значительно шире. Ведь ЖМНП должен был играть роль не глухого «железного занавеса», а своеобразной «умственной плотины», с помощью которой «обуздылся» напор «опасных» для России, с точки зрения власти, западных идей, а не вовсе перекрывался доступ к европейскому просвещению. Для Уварова было важно продемонстрировать, не в последнюю очередь, своим идеологическим противникам, что его редакция готова популяризировать действительные, с его точки зрения, достижения европейского просвещения, даже если их авторами являются приверженцы либеральных взглядов. Как, например, французский историк и политик Ф. Гизо, усилиям партии которого, Франция во многом была обязана победой июльской революции. В 1834 году ЖМНП опубликовал выдержки из его нашумевшей книги «История цивилизации в Европе» (1828) - последнего слова в тогдашней европейской исторической науке. Правда, перевод, выполненный М.П. Погодиным, вышел с существенными купюрами и комментариями в унисон теории официальной народности. Так, например, в «Очерке Европейской Истории в Средние Века, по Гизо» (№4) в духе выгодно вписывающейся в уваровскую триаду, но отнюдь не близкой французскому историку, идеализации Средних веков подчеркивается «преимущество духовного и религиозного начала <...> во всех явлениях гражданских обществ того времени», а негативные моменты в истории Папства, такие как «отрицание прав личного разума», вовсе опускаются.

Для достижения новых задач Уваров существенно изменил формат издания, расширил его состав. Кроме сугубо официальной информации (первый и третий разделы) в рубрике «Словесность и Науки» потенциальный читатель мог найти широкий спектр оригинальных и переводных статей по гуманитарным, естественным, точным наукам. Благодаря этому ЖМНП становился «живою, богатою летописью русского просвещения» (А.В. Старчевский).

Журнал Уварова сумел объединить вокруг себя авторитетных деятелей из отечественного ученого мира. Причем публикация в министерском издании означала официальное признание как для профессоров университетов (П.А. Плетнева, М.П. Погодина, М.А. Максимовича и др.), так и для молодых ученых. Например, 25-летья Н.В. Гоголь, тогда еще преподаватель Патриотического института, опубликовал в ЖМНП четыре статьи (большинство на историческую тему) в надежде обосновать свое желание занять место профессора в только что созданном Киевском университете.

В целом, в ЖМНП преобладала историческая тематика (наши подсчеты выявили, что в 1834 году появились 21 статья по истории и только 8 по филологии и 6 по естественным и точным наукам). Это обуславливалось, очевидно, также идеологическими причинами. Во-первых, необходимо было переключить интеллектуальную энергию аудитории с осмысления современности на рассуждения о минувших веках. Во-вторых, историческая наука могла лишним раз продемонстрировать связь традиционных для России ценностей (Православие-Самодержавие) с разрабатываемой государственной идеологией.

Таким образом, возобновление ЖМНП в 1834 году в расширенном формате было продиктовано новыми задачами, поставленными Уваровым перед министерством и его изданием. Из ординарного ведомственного журнал был преобразован в правительственный идеологический орган, служащий задаче формировать сознание аудитории в духе государственной доктрины официальной народности. Вместе с тем под руководством Уварова ЖМНП начал развиваться и как достаточно значительный орган русского просвещения.

Литература

1. ЖМНП. 1834. №№1-12.
3. Виттекер Ц. Граф Сергей Семенович Уваров и его время, СПб., 1999.
4. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII -первой трети XIX века. М., 2004.
5. Песков А.М. «Русская идея» и «Русская душа». М., 2007.

Журналистика как «четвертая власть»: исторические предпосылки
Казанцева Ю.В.*Соискатель, преподаватель**Южно-Уральский государственный университет, факультет журналистики, Челябинск,
Россия**nashapochta_05@mail.ru*

В теории журналистики представлены разнообразные концепции функционирования прессы. Наиболее распространенными являются следующие представления о миссии журналистики в обществе: «коллективный пропагандист, агитатор и организатор», «манипулятивные mass-media», «четвертая власть». Анализ подходов к изучению специфики журналистской деятельности сводится к признанию СМИ как сильнейшего рычага управления общественным мнением. Внимание к данной проблеме усиливается в эпоху социально-экономических и политических перемен. Именно в такие периоды нашей истории возникли множественные дискуссии, направленные на определение места журналистики в традиционном треугольнике «власть – общество - СМИ». Наиболее обсуждаемым и в современном обществе является вопрос: можно ли считать журналистов представителями “четвертой власти”? Это спорная проблема, не имеющая однозначной оценки. Сегодня с сожалением приходится сознавать, что читатель – лишь «объект», на который действуют самыми различными, порой переходящими нормы элементарного культурного общения.

Метафора «четвертая власть» подразумевает властную природу журналистики, ее способность не только формировать общественное мнение, но и манипулировать им. Исторически складывавшиеся особенности отечественной журналистики во многом повлияли на это. Журналистика в России была создана «сверху», указом Петра I. «Ведомости» - средство политического руководства страной, проводник петровских преобразований. Первая русская газета была менее всего коммерческим изданием, каким были впервые возникавшие европейские газеты. Русская газета с первых шагов существования обнаружила свои важные потенциальные качества — быть проводником определенной политики, быть пропагандистом, а подчас и организатором общественного мнения в пользу государственных реформ, в пользу защиты национальной самостоятельности и независимости. Наличие цензуры, в свою очередь, обусловили специфические условия ее существования – наличие политической цензуры и монополии правительства на печатное слово. Публицистам ничего другого не оставалось, кроме как искать другие пути выражения своих взглядов - обсуждать общественные проблемы с помощью литературной критики. Отсюда и вытекают такие особенности русской журналистики как связь с литературой и приоритет публицистических жанров над информационными. А, как известно, именно публицистика способна арсеналом выразительных средств и приемов интерпретации факта воздействовать на сознание аудитории. Так, в журналистике 30-х годов XIX в. Намечается тенденция к развлекательности, спекулятивности, беспринципности, которую олицетворяли газета «Северная пчела» Булгарина и Греча и журнал «Библиотека для чтения» Сенковского. Эти издания представляли так называемое «торговое направление» в журналистике. С критикой такого направления выступали Полевой, Белинский, Гоголь, Краевский. Ф. Булгарин, основоположник массовой журналистики, сказал, что публике необходимо «как можно более необыкновенного, удивительного, редкого, странного, смешного и

вздорного». При этом он считал, что факт можно и выдумать. Эти принципы действуют и по сей день в массовой журналистике. Его оппонент В. Белинский по-своему понимал назначение журналиста: «Факт – ничто, и одно знание факта – тоже ничто; познать факт – значит, перевести его на идею». Журналистика в России в силу исторических особенностей её возникновения и развития всегда воспринималась читателем как учитель, проповедник, а не только как фиксатор фактов. Она развивалась в недрах литературы, «словесности», где только и могла явить себя нравственная, объясняющая человеку смысл и содержание его жизни мысль. В сороковые годы XIX века активизация общественной мысли обусловила поиски наиболее действенных средств влияния на сознание современников. Таким средством и стала журналистика. «Журналистика в наше время все», – писал в эти годы Белинский.

Существование в России правительственной, официальной сети (центральные, губернские, ведомственные издания) – еще одна особенность отечественной журналистики. Правительство всегда осознавало роль прессы в воздействии на общественное сознание. В царствование императора Александра II происходившие существенные изменения во всей системе управления страной значительно повлияли на отношения между властью и журналистикой, осязаемо стало ощущаться обособление последней от литературного процесса, что выразилось в расширении диапазона информации, проблематики, содержания журналистики, росте значения газет, в понимании властью управленческих потенциалов прессы. До 1855 г. лишь 4 газеты имели право касаться вопросов внешней и внутренней политики. Во второй половине XIX в. граф П. А. Валуев приписывал журналистике «тайные», далеко простирающиеся виды, считал, что ее «тем более необходимо сдерживать твердою рукою в известных пределах». Отношения власти и прессы в России никогда не были паритетными. Правительство всегда рассматривало печать как инструмент воздействия на общество.

СМИ являются посредником между властью и обществом. Пресса должна формировать общественное мнение, информировать людей, быть социально ответственными. Однако в настоящее время нередко СМИ не формируют общественное мнение, а манипулируют им, влияют на него, трансформируют его, что является доказательством властной природы журналистики. Иногда издания делают это практически открыто, но чаще всего — применяют скрытые механизмы давления. В этом контексте, метафора «четвертая власть» вполне правомерна. Ведь, как известно, спрос рождает предложение: еще А.С. Пушкин писал А. Бенкендорфу, что "общее мнение имеет нужду быть управляемым".

Литература

1. Алтунян А. Булгарин – автор теории ограниченной гласности// Журналист. 2003. № 9.
2. Есин Б.И., Кузнецов И.В. (2005) Три века московской журналистики. М.: Наука.
3. Есин Б.И. (2003) История русской журналистики XIX века. М.: МГУ.
4. Жирков Г.В. (2001) История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект-пресс.
5. Кройчик Л.Е. Независимую прессу в России породила цензура// Журналист. 2003. № 1.

Формирование концепций женского вопроса в отечественной публицистике

Карченкова Татьяна Анатольевна

Преподаватель, кандидат исторических наук

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики

(МЭСИ), Москва, Россия

E-mail: karchenkova@km.ru

Различные системы взглядов на женский вопрос начинают складываться в 50-60-х годах XIX столетия, когда представители отечественной интеллигенции стали активно дискутировать о женской эмансипации.

Журналы разных политических направлений и их ведущие публицисты вырабатывают свои концепции женского вопроса. Однако некоторые издания под воздействием изменений во внутренней политике государства и общественной жизни могли кардинально изменить своё направление, что непосредственно отражалось на редакционной политике по отношению к феминизму. Изменение направления того или иного органа печати нередко было связано и со сменой состава редакции.

Например, ежемесячник «Русское слово» во второй половине 50-х годов XIX века был рядовым либеральным изданием, а в начале 60-х годов, с приходом Г.Е. Благосветлова, Д.И. Писарева стал органом печати демократического толка, в связи с чем изменилась и его позиция по женскому вопросу.

«Русский вестник» М.Н. Каткова в конце 50-х годов XIX века был известен как яркий либеральный ежемесячник, а впоследствии он стал ультраконсервативным изданием. Это отразилось на его позиции по поводу эмансипации. Первоначально, «Русский вестник» печатал статьи по женскому вопросу Евгении Тур «Женщина и любовь по понятиям г. Мишле», Н.А. Добролюбова «Мысли об учреждении открытых женских школ», Г. Головачева «О женских учебных заведениях» и пр. После 1861 года издания М.Н. Каткова стали выступать против развития феминизма в России.

Правительственное издание «Морской сборник», основанное великим князем Константином Николаевичем и А.В. Головинным, в 1855-1856 годах было влиятельным либеральным органом. Не случайно именно на его страницах появилась статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», сделавшая женский вопрос модным в российском обществе. Позднее журнал стал рядовым официальным сборником, представлявшим интерес главным образом для чиновников.

Конечно, были издания, которые на протяжении всего их существования сохраняли одну и ту же точку зрения на эмансипацию. К их числу можно отнести ультраправый еженедельник В.И. Аскоченского «Домашняя беседа» (1850-1877), который крайне негативно относился к женскому вопросу.

Не изменил своей позиции по поводу феминизма популярный у российской публики «Вестник Европы», из номера в номер отстаивающий либеральную точку зрения на женский вопрос. Например, в 60-70-е годы XIX века журнал постоянно сотрудничал с французской писательницей, участницей Парижской Коммуны, написавшей романы о проблемах семьи «Скандалёзный брак» (1862), «Развод» (1866) и др. Андре Лео (настоящее имя Леони Шансе). В 1869 году в «Вестнике Европы» была напечатана её статья «Вопрос о правах женщины», в которой публицистка вопрошала: «если человек признаётся по праву свободным как личность, как законченный организм, одарённый способностью суждения и воли, наравне со всеми другими личностями, то на каком основании можно лишать женщину хотя бы части того, что принадлежит человечеству?» [1]

Публицистика является главным инструментом формирования и воздействия на общественное мнение, которое во второй половине XIX века стало важной составляющей российской политической жизни. В общественном движении пореформенной России не сформировалось политическое течение, способное осуществить решение женского вопроса. Однако, в результате широкомасштабных и достаточно острых дискуссий о положении женщин в Российской империи, развернувшихся в отечественной публицистике в период подготовки и отмены крепостного права и продолжавшихся до конца XIX столетия, идеи отдельных публицистов, литераторов, общественных деятелей, учёных и юристов по поводу женской эмансипации были систематизированы и вылились в несколько теорий, сторонники которых предлагали различные пути развития женского вопроса.

В целом в российской публицистике в рамках трёх основных политических направлений - либерального, демократического и консервативного – можно выделить три концепции рассмотрения женского вопроса.

Характерной особенностью либеральной концепции была акцентуация на воспитании и образовании «прекрасного пола», и надежда на последовательные социальные, экономические и политические реформы как основной путь преодоления неравноправия полов.

Демократическая концепция женского вопроса в 1850-1860 годах практически сливалась с либеральной, и отличалась только большей последовательностью в отстаивании прав женщин. Начиная с 1870-1880 годов, публицисты-демократы стали рассматривать женский вопрос в соответствии с марксистской теорией, как классовый, являющийся частью общепролетарского движения, следовательно, основной путь его решения они видели в социальной революции.

Основной тезис публицистов консервативного направления – женщины из-за своих несовершенных биологических свойств и особенностей должны занимать подчинённое положение; единственная сфера самореализации «прекрасного пола» - семья, а основное предназначение – воспроизводство рода. Публицисты-консерваторы всеми способами препятствовали решению женского вопроса.

Надо отметить, что консервативная позиция некоторых отечественных журналов под влиянием перемен, произошедших в российской общественной жизни, феминистской активности, нередко превращалась в либеральную и наоборот.

Все эти факты свидетельствуют о том, что российское общество неоднозначно восприняло феминистские идеи и активисткам женского движения приходилось преодолевать значительные трудности при реализации своих требований на образование, труд, семейное и политическое равноправие. Здесь мы воочию сталкиваемся с противоречиями модернизационного процесса. С одной стороны - потребности дальнейшего развития общества диктуют расширение образовательного пространства и увеличение числа образованных специалистов, способных воплощать в жизнь социальные, экономические и прочие реформы. А с другой стороны – консерватизм значительной части общества, включая и тех людей, от позиции которых зависела судьба большей половины населения России – женщин.

Во второй половине XIX столетия женский вопрос не был решён, однако в отечественной публицистике были выработаны три основных концепции женского вопроса (консервативная, либеральная, демократическая), которые стали важным фактором общественно-политической жизни Российской империи и сыграли свою роль при формировании, изменении или разрушении гендерных стереотипов в общественном сознании, оказали существенное влияние на государственную политику в отношении женщин и на развитие женского движения в России.

Литература

1. Лео Андре. Вопрос о правах женщины // Вестник Европы. 1869. Т. 3. Книга 5. С. 335.

Творчество М. Горького 1890-х - начала 1900-х гг. в оценках

Н.К. Михайловского и Д.С. Мережковского

Климова Юлия Алексеевна

аспирантка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: july.rus@mail.ru

В конце XIX – начале XX в. М. Горький заявил о себе ярко и смело. Его избранные рассказы были впервые изданы отдельными томами в 1898-1899 гг. Пресса откликнулась

на появление крупного писателя многочисленными рецензиями и статьями. Среди первых критиков Горького были патриарх народнической критики Н.К. Михайловский и один из лидеров набиравшего силу литературного модернизма Д.С. Мережковский.

Воззрения критиков отличаются радикально: Михайловский, редактор и один из основных авторов журнала «Русского богатства», – левый народник, позитивист; Мережковский, – религиозный философ, писатель-символист. Однако в их оценках творчества Горького, несмотря на различия в мировоззрении и эстетических взглядах, есть и общие черты.

Так, оба критика констатировали невероятную популярность писателя, назвав её заслуженной. Однако причины успеха каждый из них видел по-своему. Мережковский считал, что интерес интеллигенции к творчеству Горького основан на социально-политических надеждах. Интеллигенты хотят привлечь босяков на свою сторону, не углубляясь в суть ожиданий последних, не понимая, что босячество мало чем отличается от хулиганства и не представляет серьёзной социальной силы. Михайловский среди причин успеха называл, кроме таланта Горького, увеличение общего количества читателей (в основном за счёт не очень образованных и неразвитых в эстетическом отношении слоев общества), а также реалии социальной и духовной жизни на рубеже веков - появление новых запросов «ума и сердца».

И Мережковский, и Михайловский признавали, что главная тема Горького – жизнь российского босячества – оригинальна и глубока. Мережковский, полагавший, что в произведениях Горького «нет искусства», не боясь парадоксов, утверждал, что завораживает в них душевная подлинность, основанная на знании писателем грубой правды жизни. Михайловский отмечал талантливость Горького, его самобытность. О художественных достижениях и промахах молодого писателя оба критика высказывались чрезвычайно скупой и сдержанно.

Главное расхождение в оценке критиками творчества Горького связано с теми критериями, которые они использовали при анализе. Мережковский попытался рассмотреть босячество с точки зрения современных религиозных исканий. По его мнению, босячество – внутреннее, психологическое явление, идущее от нигилизма и «механического мирозерцания». Попытку героев Горького (и самого автора) создать религию без Бога Мережковский считал заведомо обреченной на неуспех. Критик утверждал, что потерявший Бога человек может прийти только к хаосу, разрушению и самоотрицанию. Горький же возвёл прогресс в религию, результатом стала ложная религия босяков – религия «нездешней вечной смерти», «религия небытия».

Михайловский – позитивист и, следовательно, противник любой «метафизики» - исследовал босячество с социологической точки зрения. В статье «Ещё о г. Максиме Горьком и его героях» (1898) он утверждал, что босяков нельзя выделять в отдельный класс. Одним из основных недостатков разработки темы Горьким критик считал крайне беглый, поверхностный анализ причин, в силу которых «суровая жизнь» выбрасывает героев за пределы общества. По мнению Михайловского, возникновение босячества – один из побочных эффектов прогресса. «Подавление человека его собственным созданием» - вот, по Михайловскому, главная причина появления босяков, а она-то меньше всего интересует Горького.

Михайловский был далёк от категоричного противопоставления внутреннего мира героев Горького окружающему их миру. Внешние условия жизни босяков не всегда безобразны: действие рассказов происходит на море, в степи. Есть положительные черты и в характерах героев: они могут быть добрыми людьми, поэтами и философами. Критик подчеркивал духовную сложность горьковских босяков, видя в них и свободолюбие и «порочность».

В отличие от Михайловского, Мережковский не находил в босяках духовной свободы, а их образ жизни не считал результатом «жизнетворчества». По мнению критика-символиста, босяки подчинены неумолимым «законам и силам», которым

«невозможно противиться». По Мережковскому, внешнее босячество идёт от внутреннего, психологического. Критик высоко оценивал то, что Горький не ограничился в изображении своих героев одними «внешними социально-экономическими условиями».

Проанализировав рассказы Горького, Михайловский пришел к выводу, что все «чандалы», от какого бы общества они ни откололись, сами осознают свою порочность и «считают себя вправе свысока относиться ко всему окружающему» (не только к мужику). Критик был готов признать за босяками это право, разумеется, с серьезными оговорками. Мережковский же писал, что презрение, с которым босяки относятся к крестьянину, мужику связано именно с особенностями религиозного самосознания босяков. В крестьянстве живо «бессознательное христианство», поэтому босячество, стремящееся к созданию «Человекобожества», инстинктивно ненавидит простой народ, прежде всего его веру.

Поиск Горьким и его героями-босяками «общей идеи», которая вывела бы их из духовного тупика, избавив от «тоски», по мнению и Михайловского, и Мережковского, не увенчался успехом. Михайловский не находил в произведениях Горького ясного ответа на вопрос, что же такое «Бог живого человека», справедливо считая мировоззрение молодого писателя неустоявшимся.

Мережковский полагал, что в духовный тупик босяков завело нигилистическое миросозерцание – сознательный отказ не только от «старого» Бога, но и от поисков новой веры. В финале статьи «Чехов и Горький» (1902) Мережковский высказал опасение, как бы Горький не ступил на путь декадентства, не попал в одну из многочисленных духовных «ям», подстерегающих современников. Ступени, по которым идут босяки и автор (его взгляды критик практически отождествил со взглядами его героев), - это, по мысли Мережковского, ложный, непродуктивный путь: «от Богочеловечества к Человекобожеству, от Христа к Антихристу».

Литература

1. Аверин Б.В. Социологическая критика Н.К. Михайловского // Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л., Худ. лит., 1989.
2. Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Максим Горький: pro et contra – СПб., РХГИ, 1997.
3. Михайловский Н.К. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова // Литературная критика и воспоминания. – М., Искусство, 1995.
4. Михайловский Н.К. Ещё о г. Максиме Горьком и его героях // Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. – Л., Худ. лит., 1989.

Сонеты Александра Дольского в традиции русского сонета

Клячина О.Б.

Студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: olenka1988k@rambler.ru

Творчество современного поэта-барда Александра Дольского ранее никем не изучалось, на эту тему не написано ни одной исследовательской работы. Существуют лишь некоторые развернутые статьи, посвященные личности и творчеству Дольского, можно найти биографию, интервью с ним, как с артистом. Он воспринимается в основном как бард, представитель авторской песни. Но поэзия его многогранна и требует отдельного изучения.

Мы остановимся на его книге сонетов. Сонет предельно музыкален – это, на наш взгляд, одна из причин, по которой Дольский избрал сонетную форму. В самом термине «сонет» усматривается указание на то, что это "звучащая" поэтическая

форма. На этом акцентировал внимание Л.Г. Гроссман, один из наиболее оригинальных исследователей жанра: "Самый термин, определивший этот стихотворный вид, указывает на высшее поэтическое качество, связанное с ним, - на звучание стиха. В Италии он произошел от *sonare*, в Германии его называли одно время *Klinggedicht*. Звуковое достоинство сонета, его ритмическая стройность, звон рифм и живая музыка строфических переходов - все это уже предписывалось первоначальным обозначением этой малой стихотворной системы". Для Дольского-музыканта звучание стиха очень важно.

Мы рассмотрим, как вписывается творчество А. Дольского в традицию русского сонета. Первый русский сонет был написан в 1735 году В.К. Тредиаковским и представлял собой перевод французского поэта де Барро. Образцы сонетной лирики были созданы А.П. Сумароковым, которые также были переводами – сонетов Пауля Флеминга, посвященных Москве. Сонет стал очень популярным стихотворным жанром в русской поэзии на рубеже 19-20 веков: сонеты писали Вяч. Иванов. К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов.

Среди определяющих смысловых признаков сонета можно выделить автобиографичность, интеллектуальность, лиризм. Эти черты свойственны всей поэзии Дольского, не только его сонетам. Поэтому жанр сонета позволяет автору раскрыться во всей полноте.

Выступление, помимо всего прочего, предполагает знакомство аудитории с неизвестным ей автором. Поэтому необходимо рассказать об основных темах поэзии Дольского (с примерами из книги сонетов). Рассмотрев тематику сонетов А.Дольского, мы делаем вывод о том, какие темы становятся в его поэзии новыми для русского сонета, а какие всегда были характерны для этого жанра.

1. Тема искусства и психологии творчества. («Как в каждой жизни снова...»; «Как ты умеешь и возвышенно и низко...»; «Нет мелких тем, есть низкое перо»; «Есть Пастернак и есть Шекспир»; венки сонетов «Российский гений» и «Тема с вариациями»).

2. Тема веры («Как прост, по сути, к Богу путь...»; «Иисус не поймет никак...»; «Иисус инвентарный крест...»; «Третий раз отрекался Петр...»).

3. Тема любви («В глазах, как в другом измеренье...», «Когда бы я, как ты всегда...»; «Молюсь за тебя ежедневно...»; «От ушей до ногтей в перламутре...»; «Мы встретились в таком просторе...»).

4. Философская лирика. («Еще не прошли времена удивлений...»; «Опять начинаю отсчет...»; «В природе Время мало значит»; «Пространства, пути, перепутья...»).

5. Тема власти («Я в лесу обнаружил скит...»).

6. Иронические сонеты (из циклов «Портреты» и «Рецепт Пушкина»).

7. Тема войны (венки сонетов «Тыловое детство»).

8. Тема музыки, и джаза, в частности (венки сонетов «Луис Армстронг»).

По словам Дольского, «нет мелких тем, есть слабое перо». Сам себя он позиционирует как противник постмодернизма, непонимающий современное искусство. Такой вывод можно сделать и взглянув на тематику его сонетов. Она в основном традиционна и ясна, многие русские поэты касались тех же тем в своем творчестве. Темы сонетов А.Дольского – это темы, касающиеся «вечных вопросов». Актуальные, животрепещущие вопросы он затрагивает реже. Сама форма сонетов, будучи простой и гармоничной, говорит о его стремлении продлить в своем творчестве идеалы прошлого русской поэзии. Лишь по тону, по интонации его поэзии мы можем определить, что это голос нашего современника.

Литература

1. Александр Дольский. Сонеты. СПб, 2006
2. Гроссман Л. Поэтика сонета. Проблемы поэтики. М.-Л., 1928.
3. Бехер И.-Р. Философия сонета, или малое наставление по сонету // Бехер И.-Р. О литературе и искусстве. М., 1981.
4. Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета. Тбилиси, 1985.
5. Теория литературных жанров – словарь <http://www.hi-edu.ru/e-books/TeorLitGenres/tlj010.htm>

Первенец орловской журналистики — журнал «Друг Россиян»

Кондрашин Н.В.

студент

Орловский государственный университет, филологический факультет, Орел, Россия

E-mail: anna@journ-orel.ru

Губернский Орел — один из первых провинциальных городов России, в котором уже в 1816 году появилось периодическое издание — журнал «Друг Россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал». В 1817 году издание стало выходить под названием «Отечественный памятник, посвященный дружелюбному соединению Российских и Польских народов». Составителем, редактором и основным автором данных журналов был старший учитель истории, статистики, древности, мифологии и римско-латинской учености губернской гимназии, титулярный советник, поляк по происхождению Фердинанд Францевич Орля-Ошменец (1775–1847). Всего вышло 6 номеров «Друга Россиян» и 2 номера «Отечественного памятника» (третий номер составлялся в белорусском Могилеве, куда на новое место работы был переведен Фердинанд Францевич).

Изучая деятельность Орля-Ошменца по работе над журналами, мы поставили для себя ряд вопросов.

1. Правомочно ли считать Ф. Ф. Орля-Ошменца первым орловским журналистом, пишущим о жизни губернии?

Говоря об орловской журналистике, нельзя не упомянуть имя известного российского поэта и драматурга Александра Ивановича Клушина (1763–1804), уроженца города Ливны Орловской губернии. Он принадлежал к обедневшему дворянскому роду, учился в Ливнах, работал в Орле. В 1788 году поселился в Петербурге. Клушин был дружен с И. А. Крыловым, издавал вместе с ним и П. А. Плавильщиковым журнал «Зритель» (1792), где публиковал свои стихотворения, серию сатирических «Портретов» и «Прогулок» в прозе, стихотворные «сказки». В 1793 году Крылов и Клушин организовали журнал «Санкт-Петербургский Меркурий», фактическим редактором которого стал Александр Иванович. На страницах издания были опубликованы произведения, принадлежавшие его перу: повесть в сентиментальном духе «Несчастный М-в», 14 стихотворений и поэма. Но материалов об Орле А. И. Клушин в данных журналах не публиковал.

2. Каким по счету в России является орловский провинциальный журнал «Друг Россиян»?

Данный вопрос возник потому, что в различных теоретических источниках по проблеме можно встретить разные утверждения о том, каким по счету провинциальным журналом был «Друг Россиян» (третьим, четвертым?). Проведя соответствующие исследования, мы установили, что первым городом, где вышло подобное издание, стал Ярославль («Уединенный пошехонец» (1786), затем заглавие изменилось — «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле на 1787 год» (1787)). Вторым — Тобольск (журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789 г.)). Затем в том же городе в 1793 году стал выходить журнал «Библиотека ученая, экономическая,

нравоучительная, историческая, увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Четвертый провинциальный журнал вышел в Калуге под названием «Урания» (1803). Пятым оказался журнал «Друг Россиян» (1816). (Хотя в этом же году вышли журналы «Украинский вестник» и «Харьковский Демокрит», их нельзя однозначно причислять к первым российским провинциальным журналам). Появление «Друга Россиян» ознаменовало рождение журналистики в Орловской губернии.

3. Можно ли назвать деятельность Ф. Ф. Орля-Ошменца журналистской или же он оставался учителем и литератором, в свободное время занимавшимся составлением журналов?

Ф. Ф. Орля-Ошменец одной из задач считал пропаганду политики Александра I, сближения поляков и русских. Как настоящий журналист, он в каждом номере уделял много внимания деятельности и жизни царственной особы: № 1 — 90 материалов, № 2 — 25, № 3 — 49, № 4 — 22, № 5 — 65, № 6 — 39. Ни один из номеров не обходился без фраз типа: «АЛЕКСАНДР I — МОНАРХ, управляющий судьбами России, — есть гений, который произвел столько великого, что удивляемая Европа вопрошает: дела ли это Величайшего из Монархов, или чудеса Божии?».

Будучи учителем гимназии, редактор пропагандировал деятельность российских просветителей: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, Н. М. Карамзина. Многие сочинения русских и польских писателей упомянуты издателем «Друга Россиян». С каждым очередным выпуском он посвящал все больше материалов филологии: № 1 — 11, № 2 — 14, № 3 — 32, № 4 — 70, № 5 — 92, № 6 — 119.

Орля-Ошменца многие современники и исследователи обвиняли в том, что он публиковал материалы из европейских и столичных изданий, но мало рассказывал о жизни Орловской губернии. По современной терминологии его журнал можно назвать дайджестом, т. е. периодическим изданием, перепечатавающим наиболее интересные, лучшие материалы из других изданий. И все же, даже перепечатавая материалы, редактор обязательно останавливался на новостях, связанных с Орловщиной, например, о пребывании в губернии известного земляка, генерала от инфантерии А. П. Ермолова; о том, что «в Орловской губернской Гимназии» прошло «торжественное публичное испытание по наукам, составляющим предмет сего годового учеников Губернской Гимназии испытания»; о том, что «Губернский город Орел» посетил «все любезнейший брат Августейшего нашего императора».

Почетное место в этой периодике занимают «орловские известия о театральных представлениях, концертах, благородных собраниях, приятных увеселениях», так как именно в Орле появился крепостной театр графа С. М. Каменского. В журнале публиковались рецензии на спектакли, рассказывалось об актерах, декорациях, костюмах, репертуаре. Это издание служит незаменимым источником для тех, кто изучает историю и быт крепостных театров России.

Проведя статистический анализ всех шести номеров «Друга Россиян» можно отметить, что Орёл не был обделен вниманием Орля-Ошменца. Так в № 1 — 13 материалов о губернских событиях, № 2 — 12, № 3 — 8, № 5 — 11, № 6 — 8. Только в № 4 не были отражены местные новости, что связано, как нам кажется, не с личными предпочтениями редактора, а с обстоятельствами: будучи ограниченным во времени, он не успел доделать выпуск, и отправил таковым в Москву, о чем пишет: «...исполняя план начальством просвещения утвержденный в издании Друга Россиян, старался я в надлежащие сроки оной услужить сим ежемесячным сочинением, и поэтому я всегда посылал оное издание заблаговременно из Орла в типографию Московского Университета и в Цензуру».

Думается, что Ф. Ф. Орля-Ошменца можно назвать журналистом и потому, что в каждом номере встречаются статьи за его подписью «Ф.О.О.»: № 1 — 5 материалов, № 2 — 30, № 3 — 37, № 4 — 15, № 5 — 27, № 6 — 3. Фердинанд Францевич Орля-Ошменец вошел в историю российской журналистики как основатель первого в городе Орле и пятого в провинциальной России периодического издания — журнала «Друг Россиян».

Литература

1. Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник/Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
2. «Друг Россиян», № 1. М., 1816, июль.
3. «Друг Россиян», № 4. М., 1816, октябрь.
4. Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Основы творческой деятельности журналиста. — СПб.: Питер, 2004.

Жанр литературного портрета в творчестве З.Н. Гиппиус Королева А.О.

студент

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: akoroleva44@rambler.ru

«Живые лица» - вершина творчества З.Н. Гиппиус эмигрантского периода. Не приняв октябрь семнадцатого года, Гиппиус со своим мужем Д.С. Мережковским в 1919 г. вынуждена была покинуть Родину. Эмиграцию она воспринимала, прежде всего, как своего рода «посланничество», «служение». В статье «Земля и Свобода» Гиппиус определила борьбу с беспамятством как «способ» защиты русской культуры. «Живая память - это залог живой культуры. Культура всегда целостность, ткань, свитая из множества нитей, которые тянутся отовсюду, от всех сторон жизни». Одной из таких «живых нитей» была для Гиппиус активная сила памяти, воспоминаний. Гиппиус интересовали не столько сами исторические события, сколько судьбы их участников. Итогом воспоминаний о людях, которых она знала и которые сыграли значительную роль в истории русской литературы рубежа веков, стали два тома мемуаров «Живые лица», вышедшие в Праге в 1925 г. В книгу вошли портреты А.А.Блока, В.Я.Брюсова, В.В.Розанова, Ф.К.Сологуба и других писателей-современников Гиппиус.

Литературный портрет – самостоятельный жанр литературы и литературно-художественной критики. Назначение очерков или эссе, созданных в этом жанре, – интерпретация творческо-психологического облика того или иного писателя, воссоздание его творческого лица (Л.И. Тимофеев). Важнейшие жанровые признаки литературного портрета - документальность, основанная чаще всего на личных воспоминаниях, целостность создаваемого образа, субъективность. Эти особенности присущи и литературным портретам З. Гиппиус.

В очерке-портрете «Одержимый. О Брюсове» Гиппиус отмечает, что первое ее знакомство с Брюсовым было заочным. В редакцию «Северного вестника» поступила книжечка еще неизвестного поэта Брюсова с громким названием «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»). Гиппиус сразу ее выделила: отдельные стихи показались ей небесталанными. Вспоминая о своей первой встрече с Брюсовым, она дает ему такие эпитеты: скромный, приятный, вежливый. Гиппиус объясняет, почему глава о Брюсове названа «Одержимый». По ее мнению, Брюсов – человек крайне болезненного честолюбия, что всячески пытался скрыть. Огонек страсти всегда едва блистал в его глазах, но разгорался лишь тогда, когда речь заходила о предмете его страсти. Вне темы своей страсти он был сдержан, умен, холоден и язвителен. Автор называет Брюсова человеком-поэтом, а это означает, что он и его поэзия неразделимы.

Гиппиус характеризует стихи Брюсова, стараясь воссоздать духовный облик самого поэта. Его поэзия гармонична, однако, основа этой гармонии – индивидуализм, «природно-замкнутый, природно-самодовлеющий, в себе совершенный круг, чуждая музыка без мелодии и ритма». Брюсов творит, словно не выходя из самого себя, черпает творческий материал только внутри своего «Я». Брюсов в мемуарах Гиппиус предстает

человеком исключительного ума, воли и незаурядных способностей. При этом автор литературного портрета подчеркнула свою субъективность, оговорившись, что ее видение Брюсова не единственно верное.

В очерке «Мой лунный друг. О Блоке» Гиппиус замечает удивительное соответствие внутреннего и внешнего облика Блока. Он был словно вылит из однородной массы, без острых углов, без основания и конца. Как лицо его было прямым, неподвижным, спокойным, так и слова его были медленные, скупые, тяжелые. Гиппиус отмечает его отрешенность, привычку говорить не о предмете, а «около». Недаром, «несказанное» было любимым словом самого Блока. Гиппиус особо отмечает в ряду характерных качеств Блока два - трагичность и незащищенность. Возможно, первое было следствием второго. Гиппиус «советовала» своему герою «повзрослеть», но Блок в дальнейшем, по мнению мемуаристки, не только не «повзрослел», но, наоборот, стал сознательно культивировать детскость и наивность отношения к жизни в качестве главного жизнетворческого и поэтического принципа. Стихи Блока неразрывно связаны с его «несказанностью», блужданием «около» существа, сути событий и явлений, отвлеченностью. И именно в этом, утверждает Гиппиус, проявлялось декадентское начало личности и поэзии Блока («декадентская поэзия - полупроявленное нечто»).

Воспоминания «Отрывочное. О Сологубе» фрагментарны: Гиппиус опускает конкретные события, передает не подробности, а лишь тени, отголоски своих встреч с поэтом. Спокойствие, неподвижность, непроницаемость, молчаливость – эти характеристики являются определяющими в облике героя литературного портрета. Гиппиус называет Сологуба «колдуном». Он кажется ей необыкновенно загадочным и таинственным. Во всех произведениях поэта, утверждает Гиппиус, сквозит магия его личности. Стихи расплывчаты, порой весьма неясны, в них стираются границы реального и сказочного. «Сказка входит в жизнь, сказка обедает с нами за столом и перестает быть сказкой», - передает мемуаристка свои впечатления от произведений Сологуба. «Мечта и действительность в вечном притяжении и в вечной борьбе» - вот что, по ее мнению, составляет суть поэзии Сологуба. И сам поэт кажется ей «сплетением реального с небывалым». Еще одна важная особенность Сологуба - глубокая сконцентрированность на своем внутреннем «Я» - ярко проявилась в его лирике, насыщенной мотивами одиночества, отчаяния и смерти.

Литературные портреты символистов, созданные Гиппиус, являются неповторимыми, красочными и по-своему точными документами ушедшей, но воскрешенной памятью мемуаристки литературной эпохи.

Литература

1. Гиппиус З.Н. Сочинения: Стихотворения. Проза. – Екатеринбург: У- Фактория, 2005. – 848 с.
2. Зинаида Гиппиус: Дневники. Воспоминания. Мемуары. – Мн.: Харвест, 2004. – 304 с.
3. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, Композиция. Стилль.- Л.: Советский писатель, 1980.
4. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М., 1971, с.490.
5. Антон Крайний (З.Н.Гиппиус). Свой. Валерий Брюсов, человек-поэт // Русская мысль. 1910, № 2 .

Журнал «Женский вестник» 1866 – 1868 гг. XIX века

Максимова О.В.

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: ol.maksimova@gmail.com

Интерес современных СМИ к так называемой гендерной теме, к вопросу общественных ролей мужчины и женщины, к проблеме социального пола, определяющего поведение человека в обществе, корнями уходит в прошлое. Яркий пример тому – журнал «Женский вестник» Н. и А. Мессарош. Он издавался в 1866—1868 гг. и на сегодняшний день практически не изучен монографически.

Когда появился этот журнал, в России полным ходом шел процесс либерализации общества, всех его сфер, в том числе и жизни женщины. К концу 40-х - началу 50-х годов в русской прессе установилось единодушное мнение о существовании женского вопроса, о его важности и необходимости разрешения.¹ Обсуждались равные возможности мужчины и женщины.²

Надо сказать, что до 1866 года у русских издателей был опыт работы с женской читательской аудиторией. С начала XIX в. к «женским журналам» относили все издания, так или иначе обращенные к прекрасному полу: «Журнал для милых» (1804), «Московский Меркурий» (1805), «Дамский журнал» (1823—1833), «Лучи» (1850—1860), «Ласточка» (1859—1860), «Модный магазин» (1861), «Новый русский базар» (1866), «Модный свет» (1868) и многие др. За этими популярными изданиями стояли мужчины, которые часто были издателями, а значит людьми, определяющими позицию журнала. Они видели свою читательницу исключительно в традиционной социальной роли: матери, спутницы мужа, хранительницы домашнего очага. Содержание их журналов соответствовало такому представлению: в основном печатались выкройки, кулинарные рецепты, литературные произведения.

С либерализацией общества гендерная роль женщины стала меняться. И подтверждение тому – появление журнала «Женский вестник». Он выпускался ежемесячно в Санкт-Петербурге редактором Н.Мессарош и издательницей А.Мессарош, которые объявили своей целью «разработку женского вопроса», под чем подразумевалось «обсуждение с разных сторон современного положения русской женщины, изыскание средств к улучшению этого положения на всех путях ее разумной и полезной деятельности, по возможности, расширение круга для этой деятельности, помощи в развитии умственных и нравственных сил женщины, <...> указание на те отрасли труда, где женщина, самостоятельно улучшая свой экономический быт, могла быть более полезна семье или обществу».³

По типу издания журнал Мессарош можно отнести к традиционному для русской журналистики литературно-общественному «толстому» журналу. Каждая книжка состояла из постоянных тематических разделов: женщина в истории, внутреннее обозрение, критика и библиография, новости петербургской жизни, стихи.

Тема передовой статьи (с нее начиналась каждая книжка «Женского вестника») – роль женщины в истории. Журнал на историческом материале доказывал способность женщины встать вровень с мужчиной. В пятой книжке за 1867-ой год темой статьи были выбраны «Женщины во Франции в XVII и XVIII веках». Ее автор рассказывал о том, как «...женщины в XVIII веке во Франции стали деятельными и влиятельными участницами великой умственной деятельности». Подобный пафос присутствовал и в седьмой книжке «Женского вестника», где темой передовицы стал «Средневековый Рим и папство в эпоху Феодоры и Мароции». Журналист писал о том, что «в 1843 году появилось сочинение, доказывавшее существование женщины-папы».

¹ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., Мысль, 1988. С. 35

² Лепко О. Женский вопрос // Отечественные записки. 1868. Июль. CLXXIX С. 179-182

³ Мессарош А., Мессарош Н. Объявление об изд. лит. журн., «Женский вестник»//Женский вестник, 1866, № 1. С. 67

В каждом номере «Женский вестник» рассказывал о положении женщины в России и мире (например, статья в седьмой книжке за 1867-ой год о «Положении рабочей женщины в Ирландии»). Другой постоянной темой был вопрос воспитания и состояния образования. Об этом много писала будущий редактор газеты «Неделя» Евгения Ивановна Конради, которая 1866-1867 годах сотрудничала с «Женским вестником». Именно в статьях для этого журнала она впервые сказала, что «при самой большой свободе женщина прежде всего остается матерью, а следовательно, воспитателем, что мать, не умеющая воспитывать, это страшно»⁴. Так, например, в пятой книжке журнала была опубликована статья «О покровительстве малолетним освобожденным преступникам». Можно сделать вывод, что читательскую аудиторию журнала волновала тема помощи несчастным – таким образом, журнал обращается к деятельному человеку, желающему влиять на ситуацию.

Говоря о трудностях современной женщины, журнал поднимал темы, актуальные и для других членов общества, потому что многие проблемы были общими для всего населения России второй половины XIX века. Таким образом, издание, считавшее своей основной целью помощь слабому полу, на деле способствовало улучшению положения всех слоев населения – в этом огромная польза «Женского вестника».

Проблемные статьи в журнале сменялись стихотворениями, повестями, рассказами. Подраздел «Критика и библиография» в разделе «Современное обозрение» был постоянным. В нем освещали и оценивали книжные новинки. В седьмой книжке «Женского вестника» опубликована рецензия на книгу Бессии Райнер Паркерс «Очерки женского труда» (*Essays on woman's work by Bessie Rayner Parkers, second edition*).

Женщина-издательница Мессарош видела в своей читательнице не домохозяйку, украшение дома и супруга, а мыслящего человека. Она выступала за профессиональную самореализацию женщины и отказ от стереотипных социальных ролей. Таким образом, журнал «Женский вестник» стал одним из создателей фундамента для будущего женского движения и феминизма в России.

Литература

1. Павлюченко Э. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., Мысль, 1988. С. 35.
2. Лепко О. Женский вопрос // Отечественные записки, CLXXIX, Июль 1868 г. С. 179-182.
3. Мессарош А., Мессарош Н. Объявление об изд. лит. журн., «Женский вестник»//Женский вестник, № 1, 1866 г. С. 67.
4. Женский вестник, №1, 1866 г., № 6, 1866 г., №5, 1867 г., №7, 1867 г.
5. Юкина И. Дискурс женской прессы XIX в. // Женские и гендерные исследования., №5 – Спб, 2000 г.

Газета «Коммерсантъ» как первое деловое издание дореволюционной России (1909-1917)

Мамаева Ольга Викторовна

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

1. Газета «Коммерсантъ» сегодня такой же символ профессиональной и качественной журналистики в России, как, скажем, Большой театр – символ русского балета, а церкви в Кижях – русского зодчества.

---

⁴Женский вестник, №6, 1866 г., С. 65.

На Западе газеты имеют долгую историю, становясь частью культурного наследия страны, их авторитет непоколебим и безусловен. Такова, например, знаменитая *The Times* (Великобритания) или *The Wall Street Journal* (США). В России таких авторитетов немного, а перечень деловых изданий и вовсе ограничивается лишь двумя действительно влиятельными газетами – «Ведомостями» и уже упомянутым «Коммерсантом». Последнюю принято считать достаточно молодой: в нынешнем варианте она издается всего 20 лет, с 1989 года, когда сотрудничестве с Союзом кооператоров справочно-информационная служба «Факт» (первое негосударственное информационное агентство в стране) начинает выпускать еженедельную газету «Коммерсантъ» — первое частное деловое издание в России. Между тем «Коммерсантъ» имеет куда более глубокую историю. Сегодня наши же она сводится лишь к формальной надписи, скромно сообщающей читателю, что «газета ИД «Коммерсантъ» издается с 1909 года. С 1917 по 1990 год не выходила по не зависящим от редакции обстоятельствам. С 1990 года выходит в еженедельном режиме. С 1992 года – в ежедневном». Но что стоит за этими словами? Как жила и чем была для современников газета в предреволюционное время?

В своей работе я постаралась проследить за историей газеты, ее судьбой. Преследуя цель изучить структуру издания, вникнуть в проблематику материалов, осознать и оценить его вклад в развитие русской журналистики, мне было особенно важно уловить его преемственность с «Коммерсантом» образца 2000-х годов. И, пожалуй, самым удивительным открытием данного исследования стала именно эта искомая преемственность, «кровная» связь двух общественно-деловых вестников, которая протянулась на несколько десятилетий.

2. Ни один справочник и каталог по истории российской дореволюционной печати не содержит хоть сколько-нибудь исчерпывающих сведений о газете под названием «Коммерсантъ», хотя она ежедневно выходила в Москве в течение более чем девяти лет (1909-1917). Это, конечно, составляет колоссальную трудность для глубокого исследования издания, тем более что широкого общественного резонанса оно, по-видимому, не получило, и мнение современников относительно этого печатного органа нам остается неизвестным или малоизвестным. Единственное, с чем мы имеем дело, – собственно газета. Практически все ее выпуски, от первого до последнего номера, чудом сохранившиеся в фондах Российской Государственной библиотеки. Но слишком многое так и остается невыясненным и в определенной степени условным.

Первый номер газеты «Коммерсантъ» вышел 23 июля 1909 года. Это было небольшое ежедневное издание на четырех полосах, целиком посвященное вопросам торговли, промышленности и банковского дела. «Коммерсантъ» был частным изданием Акционерного Общества издательского и печатного дела «Московского издательство». С первого же года существования газета не имела постоянного редактора. В 1909 году им стал некто Н. Т. Лео, о котором ничего более не известно. Под его началом газета просуществовала менее полугода (127 номеров). С 1 января 1910 года ему на смену пришел М. П. Мысовский. С его приходом газета периодически выходила на 6 полосах, заметно увеличился объем рекламы, расширился спектр тем и проблем, появились новые рубрики и новые авторы. В 1911 году руководитель издания вновь сменился. На должность временного редактора был приглашен И. П. Моисеенко, а в 1913 году он уже значился постоянным редактором. Год спустя, «за редактора» работал некто В. А. Демидов, несколькими месяцами позже – Г. Г. Гульковский, а в 1916 году «Коммерсантъ» возглавил В. А. Ефремов. Последним редактором газеты, в 1917 году, значился некто Мысовский.

О тираже газеты ничего не известно, сообщалось лишь, что значительная его часть уходила на подписку. В первый год издания подписная цена газеты на полгода с пересылкой и доставкой составляла 14 рублей, что, впрочем, было не так мало. В последний же год существования «Коммерсанта» цена отдельного номера составляла 10 копеек. Подписная цена на год доходила до 15 рублей. «Коммерсантъ» активно

сотрудничал с читателями. Так, в № 32 от 2 сентября 1909 года было опубликовано письмо от редакции следующего содержания: «Редакция газеты «Коммерсант», желая быть в полной мере выразительницей нужд и стремлений торгово-промышленного класса, обращается к своим уважаемым читателям с просьбой сообщать ей свои мнения относительно различных изменений в содержании газеты, а также и дополнений ее отделов новыми. Вместе с тем редакция просит господ подписчиков сообщать ей факты из торгово-промышленной жизни, опубликование которых они признают желательным, а также присылать корреспонденции, заметки, статьи и сообщения. Каждая заметка будет приниматься редакцией с благодарностью и каждое указание будет выслушиваться с полным вниманием».

Последний сохранившийся в архивах номер «Коммерсанта» датируется 25-м октября 1917 года (всего же за 9 лет существования газеты в свет вышло 2275 номеров). На первой полосе была опубликована беседа с министром внутренних дел, сотрудником «Коммерсанта» А. М. Никитиными, сообщения о петроградских мятежах и уронах, которые понесла российская промышленность в 1917 году. Скорее всего, больше газета не выходила, поскольку уже 28 ноября 1917 года большевики издали декрет о закрытии газет, "сеющих беспокойство в умах и публикующих заведомо ложную информацию". История «Коммерсанта» печально оборвалась – с тем, чтобы возродиться спустя 70 лет, и – по иронии судьбы – тоже на фоне ломающейся страны.

Литература

1. «Коммерсант», №№ 1-2275. Москва, Типография АО издательского и печатного дела «Московское издательство». 1909-1917.

Образный мир любовной лирики Н.С. Гумилева

Никифорова Алиса Олеговна

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mylady-alice@mail.ru

Любовная лирика составляет обширный пласт в творчестве Н.С. Гумилева. Десятки стихотворений, созданных в разные годы, позволяют проследить эволюцию любовных переживаний поэта, изменения в принципах и формах художественного воплощения темы любви. Ранняя любовная лирика, вошедшая в сб. «Путь конквистадоров» (1905) и «Романтические цветы» (1908), существенно отличается от более поздних стихотворений (сб. «Чужое небо», 1912; «Костер», 1918; «Огненный столп», 1921).

Менялись не только героини и адресаты, но и тональность, настроения, образный мир стихов о любви. Для раннего Гумилева характерно романтическое мировосприятие, определяющее эмоционально-экспрессивный строй его стихотворений. Стремление противопоставить будничному миру обывателя свой мир «пропастей и бурь», свою поэтическую маску завоевателя, «конквистатора» свидетельствовало о том, что поэт творил в русле романтическо-символической эстетики. В более поздние периоды творчества, начиная с «Жемчугов» (1907-10), усложненная метафоричность ранних стихотворений практически исчезла. Ее сменили столь же возвышенные и напряженные, но вполне «земные», не маскируемые метафорами чувства лирического героя. Гумилев уже не стыдился «слишком индивидуальных признаний и слишком тяжелого самоуглубления». Он предстал в любовной лирике уже не как «конквистадор» и безжалостно-дерзкий Дон Жуан, а прежде всего как поэт, измученный своей любовью-музой.

В последние годы Гумилев особенно много писал о неутомимой и неутоленной жажде любви, при этом почти во всех его любовных стихотворениях ощущаются трагические ноты. В своем движении «к страшной тайне сердца, к призраку девственной

прелести», которому в этом мире воплотиться не суждено, он казался обреченным. Поэт продолжал рваться в бой с жизнью и смертью, но настоящая любовь по-прежнему оставалась чем-то недостижимым, недоовоплощенным.

Трагическое звучание любовной лирики Гумилева в качестве одной из особенностей поэтики отмечали многие писавшие о его творчестве. Например, А.А. Ахматова писала: «Дело в том, что и поэзия, и любовь были для Гумилёва всегда трагедией. Оттого бесчисленное количество стихов Гумилева кончается гибелью». Тема трагической любви отразилась, в частности, в стихотворении «Заблудившийся трамвай», написанном в 1920 году. История любви поэта к реальной женщине, Машеньке, способна прояснить любовную линию в «Заблудившемся трамвае». Но «земной роман» завершён полностью, а вот его идеальное продолжение кажется поэту более значимым, чем память об исчерпавшей себя любви. Некоторые исследователи отмечают сходство стихотворения с поэмой Данте, в которой повествуется о встрече с умершей возлюбленной на берегах Леты. Острая тоска по идеалу, осознание боли утраты порождают в Гумилеве глубоко интимное переживание. Машенька навсегда осталась в жизни Гумилева святыней. Он посвятил ей так называемый «караваевский» цикл стихотворений (1912).

Наряду с идеализированным образом М. Кузьминой-Караваевой особое место в художественном мире любовной лирики Гумилева занимает образ возлюбленной, прототипом которой была А.А. Ахматова. «Выбросить меня из творческой биографии Гумилева так же невозможно, как Л.Д. Менделееву из биографии Блока...», - заметила Ахматова. Ее принято считать первой по-настоящему любимой женщиной Гумилева, маячившей «властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, сквозь все его увлечения...» Ахматова умела быть невинной и жестокой, бесконечно милой и отталкивающей, пугающей и манящей, однако очень часто она казалась Гумилеву непонимающей и губящей его. Их отношения – любовь-соперничество, а порой и любовь-вражда. Не случайно во многих стихотворениях, посвященных Ахматовой, автор сравнивает любимую женщины с луной. В любовной лирике Гумилева этот прием достаточно распространен и, как правило, всегда связан с образом жены: «...и я отдал кольцо этой деве Луны...»; «С тревогой древнею встречать /Мою луну, тебя...». Так, в стихотворении «Свидание» (1910) Гумилев соотносит Луну с романтической любовью к женщине, позволяя читателю ощутить весь масштаб охватившего его чувства. Сама Возлюбленная также уподобляется Луне. В комментариях к любовной лирике Гумилева Ахматова настаивала: «луна – это я». В целом, любовная лирика, вдохновленная Ахматовой, отражает всю сложность чувств Гумилева к любимой женщине. От образа «чистой девушки», полной очарования, в любовной лирике прочерчен путь лирического героя к «демону с ангельским ликом», чья измена становится причиной гибели рыцаря-мужчины, для которого она была последней святыней в мире.

Не меньшей трагической определенностью обладает и образ легендарной «Синей Звезды», прототипом которой была Елена Карловна Дюбуш. «Синей Звездой» зовет он «девушку с огромными глазами, девушку с искусными речами», Елену, жившую в Париже, в тупике «близ улицы Декамп», «милую девочку», с которой ему «нестерпимо больно». Он признается в своей «страсти без меры», пропевшей «песней лебединой», что «печальной смерти и пьяней вина». Он называет себя «рабом истомленным», склоненным перед ее «мучительной, чудесной, неотвратимой красотой». Поэт грезит не о земном блаженстве, воспевая ту, которая стала его «безумием», а о преображенном вечном союзе, соединяющем и землю, и ад, и Божьи небеса.

По нашему мнению, всех трех основных героинь любовной лирики Гумилева объединяет нечто общее: особое отношение Гумилева к женщине - оно с детских лет было возвышенно-трепетным. Женщина с большой буквы - святыня, быть может, единственная, оставшаяся в мире, основа его «религии» – вот что вдохновляло поэта, когда он писал о своих чувствах к реальным, «земным» возлюбленным. Образы Возлюбленных в стихотворениях Гумилева возвышаются над суетным, житейским. Своей

таинственностью и непредсказуемостью они соприродны его поэзии. Как тонко заметил первый биограф поэта Павел Лукницкий, «у Гумилева всегда была потребность именно в женском общении. Он считал женщин существами более тонко, более эмоционально и, может быть, восторженно реагирующими на таинства и чудеса поэзии».

На протяжении всей жизни любовь для Гумилева была больше, чем только страстное, всепоглощающее чувство. Любить по-гумилевски значило непрестанно возвышаться – в первую очередь, над собственными житейскими потребностями, обусловленными столь земным и столь понятным человеческим эгоизмом. Поэт стремился постичь какой-то высший смысл любовных отношений, их глубинную сущность, отнюдь не исчерпывающуюся какой-либо одной гранью чувства. Эти представления о смысле любви и содержании любовных переживаний и воплощены в зрелой любовной лирике Гумилева.

Литература

1. Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография /Сост. М.Д. Эльзон, Н.А.Грознова. - Спб., Наука, 1994.
2. Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Ленинград, Лениздат, 1990.
3. Н. Гумилев: Pro et Contra. Личность и творчество Николая Гумилева. - СПб., Изд. РХГИ, 1995.
4. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990.
5. <http://www.gumilev.ru/main.phtml?cid=5000077>

Сатирические жанры журналистики А.П. Сумарокова

Позднякова Е.Г.

Канд. филол. наук, доцент

Майтама К.С.

студент

Курганский государственный университет, филологический факультет, Курган, Россия

E-mail: elenamoskvina72@rambler.ru, kriicho@mail.ru

Со второй половины XVIII века начинается новый этап развития русской журналистики, связанный с появлением частных изданий. Это было вызвано необходимостью расширения круга читателей, т.к. единственный российский журнал «Ежемесячные сочинения» Академии наук носил чисто научный характер и имел узкий круг читателей. В это время возрастает число культурной интеллигенции, усиливается влияние литературы на общество – возникает потребность в расширении СМИ.

В 1759 году выходит первый частный журнал Александра Петровича Сумарокова «Трудолюбивая пчела», в котором автор разрабатывает сатирические жанры журналистики: диалог, сон, письмо, нравоописательный очерк и эссе.

Жанр сатирического диалога зародился в античности (5-4 вв. до н. э.). В процессе спора предполагалось отыскивание истины, что обусловило формирование философско-учительного диалога у софистов, в школе Сократа. В 3-1 веках до н.э. как пародия на софистический метод ведения диалога возникает жанр «диалога в царстве мертвых». Самые примечательные произведения в этом жанре оставил после себя Лукиан из Самосаты (120-180 г.до н.э.). В XVI веке в Германии наблюдается возрождение жанра сатирического диалога. К нему обращается Э. Роттердамский. Эпоха Просвещения отмечена всплеском интереса к диалогу – пишутся памфлеты и философские трактаты в этом жанре. В это время теоретически разрабатывает этот жанр Н. Буало.

В России этот жанр появился в XVIII веке в виде переводов. Влияние на развитие жанра диалога оказало русское Просвещение и реформы Петра I, коснувшиеся многих областей жизни России. Сатира начинает воплощать демократическое мирозерцание авторов. Важное место в сатире XVIII века занимает критика сословных предрассудков,

самодурства помещиков по отношению крестьян. Наиболее популярны в России были переводы Лукиана, в подражание которым А.П. Сумароков создал свои «Разговоры мертвых».

Творчество А.П. Сумарокова отличала мощная сатирическая струя. Он считал, что сатирик в России возвышается над уровнем обыденного сознания своего времени и видит свое признание в бичевании и осмеивании пороков как выполнение своего гражданского долга, в стремлении к идеалу социальной реальности. Новые требования к критериям благородства дворянства предъявлялись в его журналистике очень наглядно.

Сюжетной основой «Разговора мертвых» берется явно утопическая ситуация для максимального обличения определенных черт: персонажи после смерти попали в загробный мир, где сословия и прочие предрассудки не имеют значения. Как правило, один из двух персонажей, оказавшись в новом мире, страдает больше: скупой огорчен, что нет денег, чтобы их копить; высокомерному никто не подчиняется; господину отказывается подчиняться слуга. Как исключение, в четвертом диалоге страдают оба героя – и медик, которому некого лечить, кроме обезумевшего поэта и сам больной поэт. Герои сами себя характеризуют через реплики диалога, говоря типичные и очевидные вещи, так автор добивается большой степени обобщения и типизации действующего лица. Для «Разговора мертвых» А.П. Сумарокова высока степень поучительности.

Именно А.П. Сумарокову принадлежит заслуга введения в обиход русских сатириков уже довольно популярного в европейской литературе жанра сатирического «сна». В декабрьском номере «Трудолюбивой пчелы» он поместил публицистическое сочинение «Сон. Счастливое общество» (1759).

А.П. Сумароков несколько отошел от традиции аллегорической назидательности, свойственной этому жанру в сатирических журналах английских просветителей. Он предпринял первую попытку создания в русской литературе XVIII века чистой социальной утопии, дав своеобразный набросок трактата об идеальном социальном устройстве. В этом небольшом эссе своеобразно преломляется прием моделирования утопического состояния мира, свободного от лицемерия и социального гнета. Автор говорит о том, что он был «в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние» (2, 353).

А.П. Сумароков рисует картину общества, основанного на законах справедливости и равенства всех, кто честно исполняет свои обязанности: «Не имеют тамо люди ни благородства, ни подлордства, и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам; и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи...» (2, 355).

Во главе страны стоит «великий человек» и «великий государь», чьи действия протекают по программе, начертанной А.П. Сумароковым в заметке «Что бы я делал...». У этого государя «достоинство не остается без воздаяния, беззаконие без наказания, а преступление без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение...» (2, 353).

В стране есть монарх, но «главное светское правление называется там Государственный Совет» (2, 354). Религия отделена от государства, царит всеобщее просвещение. Главным законом моральных норм жизни людей этого общества является правило, открывающее книгу узаконений и состоящее из заповедей: «Чего себе не хочешь, того и другому не желай».

А.П. Сумароков рисует положительно духовное и военное сословие и особенно подробно говорит о судебном и чиновничьем аппарате, лишенном всех обычных для России недостатков: «В Государственном совете и во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех при казах вершатся не по числу голосов, но по книге Узаконений, отчего ни споров, ни неправды не бывает...» (2, 355).

В данном сочинении автор предпринял, пожалуй, первую в русской литературе XVIII века попытку создания чистой утопии. Этот жанр по своей художественной природе неразрывно связан с сатирой. Утопия всегда является alter ego сатиры, ибо в ней фиксируется тот идеальный полюс миропредставления, который противостоит царству обмана и насилия, обличаемому в сатире. В этом смысле запечатленный в утопии идеал может рассматриваться как ключ к пониманию позитивной программы сатирика.

Разработанные в журналистике А.П. Сумароковым сатирические жанры получают свое развитие в творчестве Н.И. Новикова, И.А. Крылова, Ф. Эмина и др.

Литература

1. Западов В.А. (1964) Русская журналистика XVIII в. М.
2. (1986) Русская сатирическая проза XVIII века. Л.
3. Сенников Г.И. (1974) О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.
4. Стенник Ю.В. (1985) Русская сатира XVIII в. Л.

Религиозно-философские аспекты раннего творчества В.В.Маяковского

Пурэ Даша Рудольфовна

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: purda@inbox.ru

Религиозно-философский аспект творчества Маяковского – один из важнейших и интереснейших для исследования. Современный этап изучения творчества поэта-бунтаря позволяет отказаться от идеологической «зашоренности» в восприятии его творческого наследия и выделить мотивы религии и веры в качестве основных в поэзии Маяковского 1910-х годов. Неоднозначность интерпретации этих мотивов литературоведами обусловлена тем, что творчество поэта развивалось параллельно со становлением его религиозного самосознания, а этот процесс был сложным и противоречивым.

С Богом и религией у Маяковского отношения чрезвычайно сложные. Через все его творчество проходят темы богооставленности мира и одиночества человека в нём, абсурдности окружающей действительности и напряженного ожидания грядущего социального взрыва, а также мотивы безумия и богоборчества.

Парадокс в том, что яростную борьбу с христианством пронизывают оттенки религиозности, которую поэт сохраняет в своем атеизме, несмотря на нигилистическое, богоборческое и атеистическое отношение к миру, громогласно заявленное поэтом и проявляющееся в разных формах на всех этапах его творческого пути.

Исследователи считают Маяковского и атеистом, связанным с гностицизмом и материализмом (М. Вайскопф), и богоборцем, обладающим «сердцем Христа», что особенно проявляется в его раннем творчестве (М. Пьяных), и суеверным поэтом, находящимся на грани между верой и атеизмом (Ю. Карабчиевский). Он предстает и как поэт христианской культуры, на которого повлияла религиозно-философская мысль конца XIX – начала XX в. (Л. Кацис).

В раннем творчестве Маяковского религиозное начало связано с романтическим нигилизмом. Герой оказывался и спасителем, и жертвой, нередко приобретая мессианские черты. Бог «мучит его», подобно героям Достоевского, своей извечной, неразрешимой Тайной, и он корчится в «муках горения», юродствует, «бросает вызов» небу: «Крыластые прохвосты! / Жмитесь в раю!»

Впечатляющая программа мирового переустройства неизменно приводила лирического героя Маяковского к соперничеству с Творцом всего сущего. Эпатирующе дерзкий и пророческий голос, рожденный уходящей эпохой, он не принимал

установленного Богом мирового порядка («Взорвите все, что чтили и чтут!..»), противопоставляя «старому небу» великую мощь человека-преобразователя: «Давайте – знаете – / устроим карусель / на дереве изучения добра и зла!»

Великий бунт Маяковского против Бога иногда сопровождался мучительной духовной судорогой и мужественно преодолеваемой болью: герой словно ощущал себя морально «распятым на кресте». Однако свержение старых кумиров продолжалось, и для того чтобы заглушить боль, использовались любые приемы лирического самовыражения – от паясничанья до кощунства: «Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!..»; «Проповедует, / мечась и стена, / сегодняшнего дня / крикогубый Заратустра».

Высшего накала бунтарство Маяковского достигло в поэме «Облако в штанах». Первоначально она называлась «Тринадцатый апостол». По Евангелию, у Христа было двенадцать учеников – апостолов, проповедников веры. Маяковский объявил себя тринадцатым апостолом, призванным возвестить миру новую правду, пересматривающую традиционные представления о добре и зле. «Катехизис» миропонимания Маяковского выразился в «четырёх криках четырех частей» поэмы: «Долой вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой ваш строй!», «Долой вашу религию!».

Раскрывая четвертую тему поэмы («Долой вашу религию!»), поэт обрушился на церковную догматику. Прозвучал прямой вызов Богу. Тему богоборчества Маяковский развивал в соответствии со своим стремлением преодолеть символическую трактовку религиозных образов, развенчать церковную концепцию смирения, добиться реабилитации человека, рожденного для свободы: «Эй, вы! / Небо! / Снимите шляпу! / Я иду! / Глухо. / Вселенная спит, / положив на лапу / с клещами звезд огромное ухо».

Во «Флейте-позвоночнике» Маяковский пошел еще дальше в своем отрицании Бога: он уже не «тринадцатый» апостол, а сам бог. И именно он, а не его противник распят – на листе бумаги. Лирический герой становится «кандидатом на царя вселенной».

Последнее крупное дореволюционное произведение Маяковского – поэма «Человек». Это важнейший религиозно-философский текст, своего рода новое «священное писание», созданное поэтом, – евангелие Человекобога. Главы поэмы строятся по евангельской модели: Рождество, Страсти, Вознесение. Но не Христа, а лирического героя, выразившего мировоззрение и судьбу человека новой формации, который окончательно и бесповоротно порвал с христианством. Ненужный Христос играет в шашки с Каином. Грядущую радость возвещает поэт. Ее принесет не ветхий Бог, но обновленный, свободный человек, заместивший Бога. В поэме «Человек» особенно ярко раскрылся внутренний максимализм Маяковского, его склонность к категоричным публицистическим обобщениям – и в сложнейших вопросах духовной жизни, и в поэзии.

Литература

1. Альфонсов В. Н. Слова и краски. – СПб., «САГА», «Азбука-классика», 2006.
2. Култышева О. М. Диалог лирического героя раннего В. Маяковского с небом. – http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/mayak/2/
3. Халфин Ю. Гордые люди, или Прощание с кумирами отшумевшей эпохи. Литературно-философский журнал Топос. – <http://topos.ru/article/6448>
4. Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов. Смерть Владимира Маяковского. – Париж, 1975.

Журнальные издания романтического направления и формирование взглядов

Н. В. Гоголя-студента (1821 – 1828 гг.)

Сартаков Е.В.

Студент

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: esartak@mail.ru

Романтизм, идеалистическая немецкая философия – важнейшие факторы становления мировоззрения и мирозерцания Гоголя в период обучения в Нежине. Однокашник Гоголя, в будущем популярный писатель Н. В. Кукольник вспоминал о «развитии германизма между нежинцами». Этому способствовал отличавшийся серьёзным знанием предмета и умением увлечь слушателей профессор (с 1824) немецкой словесности Зингер. Не без его влияния, видимо, Гоголь тогда заинтересовался Шиллером и готов был отдать за его книгу 40 рублей: «...Деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награждён с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшею приятностью». Характерно, что «Шиллер своенравный», причём вместе с другими немцами – Тиком и «позабывшим Винкельманом», фигурировал в описании домашней библиотеки заглавного героя «Ганца Кюхельгартена» (1827). Перечисление явно отражало круг интересов самого автора. В эпилоге упомянут и «Гетте», чей облик как бы сливается с романтическим образом Германии.

Бесспорно, интерес Гоголя, как и других нежинцев, к романтизму обусловлен не только стараниями Зингера, но и русскими журналами. Кукольник отмечал, что этому «способствовал “Московский телеграф”», вслед за которым «явились “Телескоп”, “Московский Вестник” и так далее». Основное значение, вероятно, имел появившийся в 1827 г. журнал Любомудров «Московский вестник» (далее – «МВ») – пропагандист новейшей немецкой литературы и философии. С 1828 г. этот журнал выписывался для гимназической библиотеки. 10 октября 1835 г. Гоголь писал С. П. Шевырёву: «Я вас люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать МВ, который я начал читать, будучи еще в школе...».

Какие публикации Шевырёва могли произвести такое впечатление на Гоголя? За 3 года существования журнала им напечатано 48 оригинальных материалов и 13 переводов (стихотворения, рецензии, обзорные статьи – например, «Обзорение русской словесности за 1827 год»). Причём преобладали рецензии, в которых характеристика рассматриваемого произведения служила лишь импульсом для решения *теоретической* проблемы (см. отклик на пьесу В.И. Головина «Писатели между собой»). Подобные попытки делались и в разных статьях Гоголя. Так, в «Последнем дне Помпеи» (1834) писатель, говоря о картине Брюллова, решал вопрос, почему современная живопись «распалась на бесчисленные атомы и части» (т.е. шёл от наблюдения к теоретизированию).

Манера многих статей Шевырёва близка Гоголю. Как и автор «МВ», Гоголь разрабатывал типичный для европейского романтизма жанр «синтетического эссе», где рациональная аргументация перебивалась лирическими пассажами. Среди шевырёвских выделяется «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» (1827, № 1), среди гоголевских – статья «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (1830, опубл. 1881). Помимо общего жанра «Разговор...» Шевырёва и статью Гоголя объединяет общий принцип построения (философский диалог, где автор скрыт за античными масками). Наконец, сам пафос статьи Шевырёва созвучен гоголевской рецензии и выражает общую идею романтической эстетики: искусство не подвластно выражению. Лициний в «Разговоре...» сравнивает людей, пытающихся «алгеброй проверить гармонию» (А. С. Пушкин) с «посетителями театра, которые после каждого действия смотрят на часы и временем измеряют своё наслаждение». А Гоголь устами Поллиора прямо заявляет, что подлинное искусство не подвластно рассудку.

Могла заинтересовать Гоголя рецензия Шевырёва на книгу М. Максимовича «Малороссийские песни» (1827, №23), поскольку Гоголь с ранней юности активно занимался собиранием и осмыслением украинского фольклора, а в 1834 г. в «ЖМНП» появилась его статья «О Малороссийских песнях». Мог «полюбить» Гоголь Шевырёва и

за его цикл публикаций о Риме, Помпеях и Италии (правда, они напечатаны уже в 1830 г., когда Гоголь перебрался из Нежина в Петербург).

Упомянутый Кукольниковом «Московский телеграф» (далее – «МТ») также пропагандировал романтизм, «неистовый» *французский*, и публиковал русских писателей, поддерживавших это направление. «МТ» выписывался в гимназическую библиотеку с 1828 г. Но читался он нежинцами ещё с 1825, когда гимназисты организовали собственную библиотеку (библиотекарь – Гоголь) и вкладчину выписывали «МТ», «Северные цветы» и др.

Начавшееся в 1827 г. в Гимназии «дело о вольнодумстве», в причастности к которому была обвинена часть прогрессивных профессоров, проливает новый свет на отношение учеников к «МТ». Одним из главных документов на следствии по «делу о вольнодумстве» было восемь тетрадей Кукольника по «естественному праву» (не сохранились), составленных им «по выметкам» из разных источников, в том числе из «МТ» за 1826 г. Значит, окружение Гоголя (не исключено, что и он сам) не просто читали журнал Полевого, но и выписывали из него наиболее значимые, с их точки зрения, материалы.

Анализ «Ганца Кюхельгартена» даёт основания говорить о других изданиях романтического толка в поле внимания Гоголя. Вполне вероятно, что изображение Греции в поэме (13 картина) складывается под впечатлением от произведений В. К. Кюхельбекера, писавшего о Греции и её традициях борьбы за свободу достаточно много (характерно для романтиков всего мира в этот период). В частности, из его стихотворения «Олимпийские игры», опубликованного в 1825 г. в IV части альманаха «Мнемозина», Гоголь мог взять изображение «священной Эллады» как «вольности земли» и противопоставление ей современного дегероизированного мира: «Там целый был народ-поэт;/Но ныне наша жизнь без радостей влачится...». Ср. у Гоголя: «Печальны древности Афин./Гуманен ряд былых картин./.../Напрасно путник алчет жадный/В душе былое воскресить».

Кстати, весьма колоритная и редкая фамилия заглавного героя «ГК» возникла, вероятно, по ассоциации с Кюхельбекером. Однако это едва ли свидетельствует (как полагал В. А. Десницкий) об «отождествлении» Гоголем своего героя и себя с одним из редакторов «Мнемозины».

Итак, Гоголь в нежинский период активно интересовался журналистикой, стал библиотекарем студенческой библиотеки-«кладчины», где значительное место заняла периодика. Публикации в журналах и альманахах романтического направления («МВ», «МТ», «Мнемозина») влияли на формирование философских, эстетических и литературных позиций, взглядов на Украину, Италию, Грецию. Статьи Шевырева в «МВ», очевидно, способствовали и выработке собственной творческой манеры Гоголя-эссеиста.

Литература

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1.
2. Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя. // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса. М.-Л., 1936. Т. 2. С. 1 – 105.
3. Лавровский Н. Гимназия высших наук князя Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881.
4. Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809 – 1845. М., 2004.
5. Недзвецкий В. А., Зыкова Г. В. Русская литературная критика XVIII – XIX веков. М., 2008.
6. Шевырëв С. П. Об отечественной словесности. М., 2004.

Образ князя в летописном преломлении

Сунайкина В.А.

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

email: Vasilisaaaaa@inbox.ru

Главный герой летописного повествования – это, безусловно, древнерусский князь. Церемониальность, эмблематичность фигуры князя в летописи позволила учёным уподобить авторов летописи иконописцам: и те и другие создают изображения для поклонения или, напротив, для осуждения.

Князь предстаёт на страницах летописи не как человек, личность со своими желаниями, слабостями, пристрастиями, а прежде всего как политический деятель и воин. Но нельзя сказать, что всякая индивидуальность начисто стёрта из летописи. Если присмотреться, то сквозь клише и шаблоны проглядывают временами неповторимые черты конкретных, наиболее сильных и своеобразных князей. И, наконец, нельзя исключать из рассмотрения и элемента литературы. У летописца есть некий замысел, который он доступными ему средствами воплощает.

Анализ посмертных панегириков («некрологических характеристик», как называет их Д.С.Лихачёв), повествования о тезоименитых князьях, княжеских речей (особенно перед битвой), типичных ситуаций из княжеской жизни, отражённых в повествовании, помогает проникнуть в этот замысел, раскрыть глубокие закономерности.

Князей нельзя чётко разделить на положительных и отрицательных. Конечно, есть в летописи и абсолютные злодеи (Святополк) и полностью положительные князья (Борис и Глеб), но большая часть князей всё-таки, несмотря на восхваления в посмертных панегириках, не лишена слабостей. О некоторых летописец говорит напрямую, некоторые показывает исподволь, посредством параллелей, намёков.

Если князь – преимущественно воин (как, например, Святослав Игоревич), то речи его суровы и кратки; если дипломат (как, например, Владимир Святославич), то они могут становиться более объёмными и приобретать некоторые излишества в зависимости от цели, которую ставит перед собой князь (или ставит перед князем летописец); в иных случаях в дополнение к красноречию летописный князь может использовать и «спецэффекты» (вроде слезы, которую утирает Ярослав Владимирович перед остатками «любимой» дружины, почти полностью перебитой им накануне).

При изображении князей летописец использует (хотя и нечасто) литературные приёмы: антитезу (главная антитеза летописи – гордость/смирение, но есть и другие: жадность (иногда до богатства, а иногда до власти)/бескорыстие, как вариант – жадность/щедрость; жестокость/милосердие; хитрость/правдивость); присутствует в летописи гипербола (как в случае с Болеславом, который был так велик и тяжёл, что, якобы, и на коня сесть не мог) и художественная деталь, благодаря которой образ князя приобретает своеобразие, становится осязаемым, зримым (конечно, насколько возможно сделать этот образ зримым и осязаемым с помощью одной детали и в жёстких рамках этикетности летописания).

Повторяющиеся ситуации применяются автором для раскрытия сходства князей, попадающих в них (при одинаковом поведении князя часто наделяются и похожими словами, в речь более позднего князя перекочёвывают целые фразы из речи князя более раннего). Одна из подобных конструкций-клише – когда после смерти князя-отца между сыновьями начинается война, потому что один из них не хочет мириться с образовавшимся раскладом и претендует на единоличную власть. Так было после смерти Владимира в 1015 году, так же случилось и почти сорок лет спустя, когда скончался уже Ярослав (хотя тут до братоубийства дело все-таки не дошло). Князья могут *одновременно* уподобляться летописцем друг другу и противопоставляться (те же Святослав Игоревич и Святослав Ярославич; Борис и Изяслав Ярославич).

Система летописных образов при всей своей кажущейся простоте сложна и многогранна, князья взаимосвязаны, с помощью сходства или различия, но – соединены, хотя нигде и не говорится об этом прямым текстом. Что касается временного охвата

работы, то в тексте рассмотрены образы князей начиная от Святослава Игоревича (то есть с 964 года). Основная масса цитат относится к периоду до первой четверти XII века, времени правления Владимира Мономаха. Использовано также незначительное количество цитат из более поздних статей.

Литература

1. Лихачёв Д.С. Повесть временных лет. СПб., 1997.
2. Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси//Избранные работы, т.3. Л., 1987.
3. Полное собрание русских летописей, т.2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Ф.В. Чижов в восприятии современников и потомков

Сурнина И.А.

Соискатель

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: isurnina1983@mail.ru

Федор Васильевич Чижов (1811-1877) - выдающаяся личность в истории России XIX в.: промышленник, финансист, строитель железных дорог, организатор судоходства, славянофил, редактор, журналист, искусствовед. Однако в данное время личность Чижова изучена мало, его значительный вклад в разные сферы деятельности до сих пор не оценен. Периодические издания XIX в., такие как «Москвитянин» И. Кириевского, «Московский сборник» В.А. Панова за 1846, 1847 годы, «Сын отечества», «Русская беседа» А.И. Кошелева, «День» И.С. Аксакова и др., в которых опубликованы работы Чижова по истории изобразительного искусства, литературе, шелководству, промышленности, а также отдельно изданные переводы Чижова, среди которых «Призвание женщины» (перевод с некоего английского первоисточника) и «История европейской литературы XV и XVI ст.» Г. Галлама являются ярким подтверждением его разносторонней натуры. Почему же фигура Чижова до сих пор не исследована? Причин этому много.

Во времена жизни Чижов оставался в тени старших славянофилов, хотя, как видно, из переписки А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, осуществил их давнюю мечту издавать журнал (для серьезных статей) и газету (для отражения текущей жизни). Вызвано это в первую очередь тем, что во времена зарождения славянофильских убеждений и активных споров между славянофилами и западниками Чижов еще не пришел к своим славянофильским воззрениям. Тем не менее, с середины 40-х гг. имя Чижова постоянно фигурирует в переписке и мемуарах его современников: И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, А.А. Иванова, А.И. Кошелева, А.В. Никитенко, Н.В. Гоголя и др.

Однако и после смерти жизнь и деятельность Чижова не были достойно описаны. Память о нем сохранилась лишь в некрологе И.С. Аксакова, опубликованном через два месяца после смерти Чижова в январе 1878 г. в «Русском архиве», и нескольких биографических очерках. В 1902 г. вышел в свет биографический очерк по поводу 25-й годовщины со дня смерти Чижова, автором которого был его личный секретарь А. Чероков («Ф.В. Чижов и его связи с Н.В. Гоголем»). Через несколько лет, в 1905, 1908 гг., земляк Чижова, костромич А.А. Либерман, опубликовал краткий биографический очерк «Памяти Ф.В.Чижова», сопроводив его портретами Чижова и фотографиями Костромских просветительных учреждений его имени, построенных на средства Чижова. Спустя три года, в 1911 г., члены общества бывших учеников Костромского химико-технологического училища имени Ф.В. Чижова выпустили «Сборник в память столетия со дня рождения Ф.В. Чижова». Также необходимо отметить, что А.Н. Прохорова в 1907 г. в своей работе «К жизнеописанию Ф.В. Чижова: его родители и сестры» описала детство и студенческие годы Чижова, его взаимоотношения с матерью и сестрами в этот период.

Однако Чижов так и не нашел своего биографа: сведения, сообщаемые И. Аксаковым, А. Чероковым, А.А. Либерманом, А.Н. Прохоровой скудны и носят скорее общий характер. Ни Г.П. Галаган, воспитанник Чижова, ни С.И. Мамонтов, опекуном и наставником которого был Чижов, ни В.Д. Поленов, крестник Чижова, не взяли на себя миссию быть его биографами, хотя времени для написания биографии Чижова по своим воспоминаниям у каждого было достаточно: Г.П. Галаган скончался в 1888 г., С.И. Мамонтов – 1918 г., В.Д. Поленов – 1927 г.

Дневник и бумаги Чижова, оставленные им после смерти, были открыты недавно. Вызвано это в первую очередь тем, что Чижов наложил запрет на вскрытие своего архива после смерти: в течение 40 лет он должен был оставаться неприкосновенным. Срок запрета истек в 1917 г. во время революции. Понятно, что в тот момент было не до архива Чижова: интерес к либеральной мысли затух, исследователи занимались изучением их противников по взглядам революционерами-демократами. Так продолжалось до 1959 г., когда в «Вопросах литературы» разгорелась дискуссия о славянофилах. Однако в центре внимания исследователей были старшие славянофилы, но не Чижов.

Таким образом, архив Чижова остается не изученным до сих пор. Лишь часть его переписки была опубликована: с Н.М. Языковым, А.А. Ивановым, Н.В. Гоголем, А.В. Никитенко. В настоящее время дневник Чижова и большинство его бумаг хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в фонде 332 «Ф.В. Чижов». Помимо писем к родным и своему ближайшему окружению, существенный интерес вызывает дневник Чижова, который он вел до самого последнего дня своей жизни и о котором знали его современники (А.И. Кошелёв в своих «Записках» упоминает о подобных записках Чижова, имея в виду дневник). Кроме различных фактов биографии, дневник дает возможность исследовать становление личности Чижова, изменение его взглядов. Письма Чижова к корреспондентам редактируемых им журнала «Вестник промышленности» (1858-1861) и газеты «Акционер» (1860-1863), отчеты и различные разрозненные бумаги по их изданию, хранящиеся в архиве, в совокупности с полными комплектами номеров изданий позволяют оценить деятельность Чижова как редактора и журналиста.

Однако в послереволюционное время имя Чижова все же всплывает в научных работах М.О. Гершензона («Жизнь В.С. Печерина» и «История молодой России») и С.Я. Штрайха «В.С. Печерин за границей 1833-1835 гг.». Вызвано это в первую очередь интересом к жизни и деятельности его лучшего друга В.С. Печерина.

Одним из первых, кто в советский период обратил внимание на Чижова как на славянофила, был Н.И. Цимбаев. В 1978 г. в своей работе «И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России» он рассмотрел Чижова как сотрудника газет И. Аксакова «День» и «Москва», а в 1986 г. Цимбаев в своей монографии «Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в.» написал о Чижове как о неперменном участнике славянофильского кружка.

Что касается современных исследований, они не многочисленны. Л.Б. Генкин в работе «Общественно-политическая программа русской буржуазии в годы первой революционной ситуации» (1971) на материалах «Вестника промышленности» проанализировал проблемы социально-экономической истории России, Л.М. Коваль рассмотрел Чижова как мецената в своих статьях «Книжный Петербург в жизни и творчестве Ф.В. Чижова» (1987) и «Даритель Чижов» (1993), Т.Ф. Пирожкова опубликовала историю несостоявшегося «Русского вестника» (1997), который Чижов планировал издавать на деньги Н.М. Языкова, И.А. Симонова исследовала взаимоотношения Чижова с его лучшим другом В.С. Печериным в статьях «В.С. Печерин и Ф.В. Чижов» (1986) и «Два полюса магнита...» (1990), в работе «Мы оживим наш Север» (1998) рассмотрела хлопоты Чижова по организации Архангельско-Мурманского срочного пароходства по Белому морю и Северному Ледовитому океану. В 2002 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла научно-популярная книга И.А. Симоновой

«Федор Чижов», в которой автор подробно исследовала биографию Чижова, его связи с современниками и многостороннюю деятельность. Однако журналистская и редакторская деятельность Чижова до сих пор не привлекла должного внимания, не смотря на то, что Чижов помимо написания авторских материалов на протяжении нескольких лет являлся редактором первого в истории России журнала для предпринимателей «Вестника промышленности» и газеты «Акционер», сначала выходявшей как приложение к журналу, а затем самостоятельно. В книге И.А. Симоновой дана лишь суммарная характеристика названных изданий.

Тем не менее, в наши дни фигура Чижова начинает обретать свои реальные очертания. Именно сейчас, когда интерес к промышленности, торговле, экономике в целом, как никогда актуален, Чижов должен найти своего исследователя и его заслуги в истории России XIX в. должны быть оценены по достоинству.

Русская проповедь в период освобождения из-под латино-польского влияния

Шарман Е.И.

студентка

факультет журналистики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

sharmane@rambler.ru

С началом XVII века начинается третий период в развитии русской гомилетики, характеризующийся самостоятельностью и независимостью от схоластических влияний. Петр I видел задачу проповеди в примирении народа со своими нововведениями, в убеждении, что в новых формах общественной и частной жизни нет ничего греховного, а совершаемые в ней изменения обещают великую пользу и государству, и народу. Круг тем, излагаемых с церковной кафедры, расширился: к истинам веры и правилам христианской нравственности добавились предметы нерелигиозного характера — государственные и социальные реформы. Одновременно с этим проповедь изменилась и внутренне, освобождаясь постепенно от латинского влияния и принимая характер самостоятельности. Начинателем такого преобразования века был видный соратник Петра I архиепископ Новгородский и Псковский Феофан Прокопович.

Отвергнув все традиции юго-западной схоластической проповеди, Прокопович придал ей ярко выраженное общественно-практическое, публицистическое направление. По содержанию проповеди Феофана могут быть разделены на две категории: одни (немногочисленные) — общехристианской, церковно-назидательной направленности, другие общественно-политического, публицистического характера, похвальные и обличительные. В первых он хвалит императора и его реформы, во вторых обличает противников преобразований. Доказательства заимствуются преимущественно из Св. Писания, из церковной или гражданской истории, а также из современной жизни. Художественный элемент в словах Феофана мало развит, в изложении преобладает логичность в развитии мысли при внешней простоте формы.

Новый виток в развитии русской проповеди наступил во время царствования императрицы Елизаветы. Для произнесения проповедей в придворной церкви в столицу вызывались епископы, архимандриты и священники; в великие праздники назначались для проповедничества синодальные члены. В то же время епархиальным архиереям было предписано, чтобы в праздничные дни в кафедральных соборах и монастырях непременно произносились проповеди наиболее подготовленными представителями духовенства. Наиболее видные проповедники того времени: Митрополит Новгородский Димитрий Сеченов, архиеп. Новгородский Амвросий Юшкевич, архиеп. Псковский Гедеон Криновский и архимандрит Кирилл Флоринский, ректор Московской академии. Основной темой их выступлений была борьба с новыми религиозными понятиями, занесенными в Россию лютеранами, особенно при Анне Иоанновне. Во многих проповедях речь идет о

недостаточности одной веры для спасения, о необходимости Таинств, о почитании и призывании святых, о молитве за умерших и значении их поминовения. Проповедники также часто осуждали в своих выступлениях распространившееся в ту эпоху пристрастие к роскоши, небрежение к душе и заботливость о теле. В этом смысле проповеди елизаветинского времени, и публицистические, и нравоучительные, дают богатый материал для характеристики нравственного состояния русского общества.

Во второй половине XVIII столетия проповедь становится необходимой существенной частью богослужения не только в придворных церквях и кафедральных соборах, но и в монастырях, приходских церквях, словом, повсеместно. Проповедь приобретает нравственно-практический характер, гораздо меньше внимания уделяя политическим вопросам: в связи с проникновением в Россию различных западных учений, в большинстве своем отрицавших всякую веру и провозглашавших нравственную распущенность, требовалось усилить в проповеди нравственно-практический элемент. Внешне проповедь стала отличаться большей простотой и безыскусственностью. Она ставила своей задачей определить нравственный идеал человека, пробудить ревность к самопожертвованию и бескорыстному служению целям общества и государства.

Наиболее ярким примером такой проповеди могут служить труды епископа Воронежского Тихона. Он раскрывает своим слушателям положительное содержание христианского учения, ставя его в связь с жизнью и заставляя слушателей самих вдумываться в это учение. При изложении правил христианской нравственности Тихон стремится быть как можно понятнее; для этого он прибегает к образам и сравнениям, заимствованным из общественной жизни, спускается в сферу деятельности слушателей и ясно указывает, в чем каждый виновен и что каждый должен делать в своем звании и состоянии. Обличительные проповеди св. Тихона Воронежского представляют нам полную и живую картину религиозно-нравственного состояния современного проповеднику воронежского общества, как высшего, так и низшего – например, обычай праздновать языческие по характеру и происхождению праздники, повальное пьянство. Форма проповедей Тихона различна: есть слова, беседы и краткие наставления.

Литература

1. Прот. А. Ветелев. История проповедничества русской православной церкви. Загорск, 1990.
2. Прокопович Ф. Сочинения. М., 1961.
3. Попов Т.Д. Св. Тихон Задонский как нравоучитель. Воронеж, 1914.
4. Чистовяч И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.